

Л И С А Ш И

ПЛАЧ БОГОВ

**В ЧЕРТОГАХ
СИРЕНИ**

Мир спасёт Любовь

Лиса Ши

**Плач богов в чертогах
сирени 3 Книга трилогии
" Мир спасёт любовь**

«Автор»

2026

Ши Л.

Плач богов в чертогах сирени 3 Книга трилогии " Мир спасёт любовь / Л. Ши — «Автор», 2026

«Плач богов в чертогах сирени» — финал трилогии «Мир спасёт любовь». Они думали, что их история — просто любовь. Ошибались. Когда-то всё начиналось со случайной встречи в нашем мире. Он — бизнесмен из Шанхая. Она — русская художница. Теперь их разлучила Тьма, и он должен пройти через невозможное и вернуть её. Но третья книга — это не только финал их истории. Пока Лео ищет путь к Лере, в игру вступают боги — древние силы, забывшие, зачем они здесь. Их союз — единственный шанс против Тени, что пожирает миры. Вот только боги тоже ошибаются, ссорятся, предают и любят — как люди. Это история о том, что даже богам есть чему поучиться у смертных. О том, что тьма — не враг, а часть целого. О том, что самая сильная магия — не огонь и не власть, а любовь, прошедшая через смерть, забвение и вечность. Тайны, мучившие с первых глав, раскроются. Герои сделают невозможный выбор. Финал будет — не «жили долго и счастливо». Финал будет — путь. Который заканчивается там, где начинается новый.

© Ши Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 0	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Плач богов в чертогах сирени 3

Книга трилогии " Мир спасёт любовь

Глава 0

ПРОЛОГ

КОРОНА ИЗ ПЕПЛА

Тронный зал встретил её пустотой. Не той, что бывает в заброшенных домах, — той, что присутствует в клетке, когда хозяин выгнал всех свидетелей.

Лера поняла это сразу. Слишком тихо. Слишком чисто. Ни стражников у стен, ни слуг с подносами. Даже тени, вечные спутники этого мира, сжались по углам, стараясь не дышать.

Чёрный камень под ногами отполирован до зеркального блеска. В нём отражалась она — бледная, в алом платье, с плотно сжатыми зубами.

Высокие колонны уходили вверх, теряясь в багровой мгле. Между ними — чёрные знамёна с серебряными драконами, неподвижные, будто воздух здесь умер давным-давно.

В дальнем конце зала, на возвышении из трёх ступеней, высился трон из чёрного нефрита, с резными подлокотниками в виде когтистых лап. На подушках — шёлк, похожий на свежую кровь.

На троне — он.

Деймон Дэй. Ханьфу цвета полуночи, расшитое серебряными драконами, что вились от плеч до самого подола. Волосы, длинные и чёрные, стянуты на затылке нефритовым гуанем, но несколько прядей выбились, обрамляя лицо. Лицо — прекрасное, как у статуи, и такое же неживое. Глаза — тёмные, без зрачков, глядят на неё из-под полуопущенных век.

В левой руке — кубок. В правой — пустота. Но Лера знала: эта пустота опаснее любого оружия.

— Ты выгнал слуг, — произнесла она. Не спросила — констатировала.

— Я хочу поговорить с тобой наедине. — Он подался вперёд.

— Мы говорим каждый день.

— Нет. — Деймон поднялся. Медленно, почти лениво, но Лера заметила: пальцы, сжимающие кубок, побелели. — Мы обмениваемся словами. Я хочу говорить.

Он шагнул вниз. Сделал второй шаг. Отставил кубок на край трона — звон стекла прозвучал как выстрел.

Лера отступила. Не показательно — на инстинктах. Спина упёрлась в колонну.

— Ты боишься, — произнёс Деймон, останавливаясь в трёх шагах. — Хорошо. Страх — честное чувство.

— Я не боюсь. Я ненавижу.

— Какая разница? — Он улыбнулся. Улыбка не коснулась глаз. — И ненависть, и страх заставляют сердце биться чаще. Ты сегодня краснеешь, когда я рядом. Уже прогресс.

— Ты слепой, если называешь это прогрессом.

— А ты упрямая, — он шагнул снова. — Но я привык добиваться.

— Чего? — Лера выпрямилась, оттолкнувшись от колонны. — Меня? Я не вещь.

— Ты — моя королева. — Голос его стал тише, но твёрже. — Ты сама согласилась. Пришла. Сказала, что станешь ею.

— Я пришла спасти Лео, — Лера сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. — Это сделка с Тенью, а не брачный договор.

Деймон наклонил голову. Рассматривал её, как кошка — мышь, ещё не понявшую, что клетка закрыта.

— Ты думаешь, Тень заботит, как именно ты служишь? Ей нужна твоя сила. А мне... мне нужна ты.

— Меня не получишь.

— А если получу? — Он двинулся вперёд, и Лера снова отступила, упёрлась в колонну. — Что ты сделаешь? Убьёшь меня? Попробуй.

Она ударила первой.

Не кулаком — силой, что дремала внутри. Сиреневый огонь вырвался из ладоней, ударил в грудь Деймона. Он отшатнулся, но не упал — только усмехнулся, потирая прожжённую ткань ханфу и вытирая кровь в уголке губ.

— Сильно. Но недостаточно.

— Я научусь.

— Не успеешь.

Он щёлкнул пальцами. Тени сорвались со стен, обвили запястья Леры, прижали к колонне. Она дёрнулась — бесполезно.

— Отпусти!

— Когда ты скажешь «да».

— Никогда.

Деймон подошёл вплотную. Коснулся пальцами её щеки — ледяными, как сама смерть. Лера отвернулась, зажмурилась.

— Смотри на меня.

— Нет.

— Смотри!

Он схватил её за подбородок, развернул лицом к себе и притянул интимно близко. Лера открыла глаза — в них полыхала такая ненависть, что Деймон на миг замер.

— Какая ты красивая, когда злишься, — прошептал он. — Пахнешь грозой и мёдом. Я мог бы смотреть вечность.

— Отпусти.

— Нет.

Она рванулась изо всех сил. Тени взвыли, но хватку не ослабили. Лера закричала — не от боли, от бессилия. Пнула его в голень. Деймон даже не поморщился.

— Ты дикая. Мне это нравится.

— А ты мне — нет.

Он рассмеялся. Отступил на шаг, щёлкнул пальцами — тени исчезли. Лера упала на колени, хватая ртом воздух.

— Дерись, — бросил Деймон. — Борись. Я хочу видеть, как ты бьёшься.

Она вскочила. Схватила со столика тяжёлый кувшин с вином — швырнула в него. Он уклонился, кувшин разбился о колонну, осколки брызнули во все стороны.

— Зря. Это дорогое вино.

— Пошёл ты.

Она сорвала со стены канделябр — рванула вперёд. Деймон перехватил её руку, выкрутил, канделябр с лязгом упал. Он прижал её к себе.

— Ты слабее меня. Знаешь, — шепнул он в самое ухо.

— Знаю. — Лера вывернулась, ударила локтем в лицо. Губа треснула, выступила кровь. — Но я буду биться до конца.

Деймон вытер губу. Посмотрел на кровь на пальцах — и улыбнулся.

— Хорошо. Мне нравится. Но хватит.

Он снова щёлкнул пальцами — и пространство вокруг Леры схлопнулось. Невидимые пути сжали её так, что не пошевелиться.

— Отпусти!

— Я устал ждать, — прорычал Деймон. Подошёл, взял её лицо в ладони. — Ты будешь моей. Хочешь ты этого или нет.

— Тогда ты получишь труп.

— Нет. Ты не убьёшь себя. — Он коварно усмехнулся.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что пока ты жива — жив и он. Тень обещала.

Лера замерла. Деймон прав. Пока она здесь, пока выполняет условия сделки — Лео в безопасности. Если она умрёт... он тоже.

Деймон увидел, как дрогнула её воля.

— Вот так, — прошептал он. — Смирись. Это проще, чем бороться. — Он провёл пальцем по её руке, оставляя красную полосу.

Она сжала зубы. Закрыла глаза. Внутри всё кипело — ненависть, отвращение, страх. Но он прав. Она не может убить себя. Не может убить его. Не может уйти.

Остаётся только... смириться?

Нет.

Лера открыла глаза. Они опустели.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Я не буду бороться.

Деймон нахмурился:

— Что?

— Ты прав. Я не могу убить себя. Не могу убить тебя. Не могу уйти. Значит... я останусь.

Она замолчала. Посмотрела на него — спокойно, почти равнодушно.

— Но ты получишь не меня. Ты получишь пустоту.

— Ты блефуешь.

— Проверь.

Деймон приблизился вплотную. Взял за руку — Лера не сопротивлялась. Он поднёс её ладонь к своему лицу и прикоснулся губами — она не отдернула. Смотрела в стену, не мигая.

— Что с тобой?

— Я сдалась. Ты этого хотел?

Он отпустил её руку. Отступил на шаг.

— Ты врёшь.

— Нет. — Она повернула голову. Глаза — пустые и холодные, как два серых камня. — Я просто поняла, что меня здесь больше нет. Есть тело. Есть сила. Есть твоя игрушка. Но меня — нет.

Деймон сверкнул глазами.

— Ты не можешь так... просто взять и исчезнуть.

— Могу. Я уже исчезла. Ты разве не чувствуешь?

Она коснулась груди, туда, где билось двойное сердце. Билось слабо, едва заметно.

— Оно ещё здесь, — сказала Лера. — Но скоро погаснет. Без него, без света, без надежды. Останется только оболочка. Её ты и получишь.

Деймон молчал. Смотрел на неё — и видел: она не врёт.

— Ты... ты готова убить себя медленно? День за днём?

— Я уже это делаю. С того дня, как пришла сюда.

Она отвернулась. Подошла к столику, взяла другой кувшин — с водой. Налила в чашу, выпила. Руки не дрожали.

— Уходи, Деймон. Оставь меня одну.

Он не ушёл. Стоял, сверля её взглядом.

— Я не хочу пустую.

— А хочешь — возьми эту. Другой у меня нет.

— Ты можешь полюбить меня.

Лера обернулась. В глазах мелькнуло что-то — не насмешка, не жалость. Усталость.

— Нет. Не могу. Потому что любовь — это выбор. А я выбрала его.

Тишина.

Деймон подошёл к трону, взял кубок с вином. Разбил его о каменный пол. Осколки разлетелись, как брызги крови.

— Ты жестокая, — произнёс он тихо.

— Это ты привёл меня сюда.

— Я хотел спасти тебя.

— Ты хотел завладеть мной. Не путай.

Он резко повернулся. Глаза горели — фиолетовым, демоническим огнём.

— А если я отпущу тебя? Что тогда?

— Ты не отпустишь.

— А если?

Лера покачала головой:

— Ты не можешь. Сделка с Тенью. Ты сам в клетке, Деймон. Просто твоя клетка больше и красивее.

Он замер. Смотрел на неё долго, очень долго.

— Я не прикаснусь к тебе, — вымолвил он, наконец. — Без твоей воли. Клянусь.

— Клятвы демона ничего не стоят.

— Эта — будет стоять. — Он прижал руку к груди. — Потому что если я нарушу её... ты умрёшь. По-настоящему. А я не хочу твоей смерти. Я хочу тебя. Живую.

Лера усмехнулась — горько, безрадостно.

— Ты не получишь ни того, ни другого.

— Посмотрим.

Он развернулся и пошёл к выходу. На пороге остановился.

— Я подожду. У меня есть вечность.

— А у меня нет. — Лера посмотрела на свою руку, на сиреневую нить, что горела под кожей. — Но даже за эту короткую жизнь я не стану твоей.

Деймон вышел. Дверь закрылась с глухим стуком.

Лера осталась одна.

Она опустила на пол, прислонилась к колонне. Провела пальцами по груди, где билось их двойное сердце — тёплое, живое.

— Лео, — прошептала она. — Я выдержу. Ради тебя.

За окном шелестел пепел. Демонический мир дышал, облизывая стены своей тюрьмы.

А в груди Леры теплился крошечный, упрямый огонёк.

Пока ещё теплился.

ВСТУПЛЕНИЕ

от Жоу – Хранителя леса и груш

Это случилось в удивительном месте, которого нет на картах, да и в учебниках о нём не прочитать. Ведь это мир, где рождаются герои и мифы.

Под сенью вечно цветущих яблонь и сирени, на зелёной лужайке, уютно устроились малыши. Пахло мёдом, тёплой землёй и чем-то ещё — тем, что не опишешь словами, но что сразу напоминает дом.

— Так, садитесь поближе, — загадочно произнёс Жоу, понизив голос и почёсывая мохнатый хвост. Он отложил пастилу в сторону — значит, дело серьёзное. — Сейчас я расскажу вам кое-что интересное.

— Да, расскажи! — хором воскликнули все, даже маленькие панды-духи Бао и Бэй, до этого мирно посапывавшие в обнимку с маминой лапой.

Сюэ Хуа приоткрыла один глаз, улыбнулась и снова смежила веки — она давно усвоила: когда енот так говорит, лучше не перебивать.

Жоу обвёл всех взглядом и посмотрел на небо, где только что зажглись первые звёзды. Одна из них сияла особенно ярко — будто слухала.

— Это случилось очень-очень давно, — начал он. — Когда даже звёзды ещё не знали своих имён...

СЛЁЗЫ ПУСТОТЫ

Притча

В начале была Пустота.

Она не пугала. Не зияла, а ждала.

Пустота вмещала всё, что могло бы быть, но ещё не стало. Каждый цветок, которому только предстояло распуститься. Каждую звезду, которой предстояло зажечься. Каждую песню, которой предстояло прозвучать.

И она пребывала в одиночестве.

Не потому, что кто-то ушёл. А потому, что ещё никто не пришёл.

Вечность смотрела в себя и не видела ничего. Не из-за пустоты — из-за отсутствия зеркала.

И от этого она грустила.

Не больно и страшно, а очень-очень грустно — так, как грустит ребёнок, ещё не знающий слов, чтобы рассказать о своей печали.

И тогда Пустота заплакала.

Первая слезинка, тёплая и прозрачная, упала на камень. Камень, никогда не знавший влаги, дрогнул и расступился. Из трещины потянулся вверх тонкий зелёный росток. Он гнулся от ветра, но не ломался. Внутри него жила пустота — такая же, как у той, что его породила. Но эта пустота звучала. Когда ветер пробежал сквозь неё, рождалась музыка.

Это — бамбук.

Он тянулся к небу, не зная зачем. Просто чувствовал: там, наверху, — свет. А внизу — что-то родное, что он пока не может назвать.

Вторая слезинка упала в землю у воды.

Вода приняла её как сестру и отнесла туда, где берег встречается с туманом. Мягкая, чёрная земля пахла прелыми листьями и обещанием. Из этой слезинки вырос цветок. Его лепестки — острые, как клинки, но бархатные на ошупь. Цветом он напоминал сумерки — не день и не ночь, а то, что между ними, когда мир замирает и слушает.

Это — ирис.

Он смотрел в воду и видел своё отражение. И думал: «Где-то есть ещё кто-то». Он не знал кто. Но чувствовал: «Я здесь не один».

Бамбук и ирис росли далеко друг от друга.

Они не знали имён и не помнили слёз. Не ведали, откуда пришли. Они вышли из одной печали — самой древней, которая старше звёзд.

Но иногда, когда ветер дул особенно сильно, бамбук начинал петь — и ирис замирал, вслушиваясь. А когда над водой поднимался туман, ирис начинал светиться — и бамбук чувствовал этот свет где-то глубоко внутри, в самой своей пустоте.

Они искали друг друга.

Не зная кого.

Не зная как.

Не зная зачем.

Прошли ливни. Бамбук сгибался до земли, но не ломался. Ирис закрывал лепестки от града, но не рвал их.

Наступил зной. Бамбук уходил корнями глубже, туда, где ещё сохранилась влага. Ирис поворачивался к солнцу так, чтобы тень от собственных лепестков падала на корни.

Налетали грозы. Молнии били рядом, ветер вырывал с корнем могучие деревья. А бамбук и ирис стояли — потому что чувствовали: нельзя упасть. Где-то ждут.

Они прошли через всё. Через холод одиночества. Через жажду в ожидании дождя. Через боль, когда казалось: «Больше не выдержу». Через отчаяние, когда надежда истончилась до паутинки и почти порвалась.

Но не порвалась.

И однажды они встретились.

Там, где земля встречается с небом, а свет — с тенью. В месте, которое не принадлежит никому и открыто для всех.

Бамбук склонился, и его листья коснулись лепестков ириса.

Ирис поднял голову, и его свет проник в самую сердцевину бамбуковой пустоты.

И в этот миг они поняли.

Вспомнили.

Узнали.

— Это ты, — прошелестел бамбук.

— Это ты, — выдохнул ирис.

И не понадобилось лишних слов.

От их встречи родилось нечто новое.

Не плод и не семя, а свет.

Сиреневый свет, который не был ни цветом бамбука, ни цветом ириса. Он — иное — то, что возникает, когда двое становятся не одним, а чем-то большим, чем просто двое.

Этот свет расцвёл внутри каждого из них.

Как лотос.

У бамбука — в самой сердцевине его пустоты, которая теперь обрела полноту. У ириса — в самой глубине его корней, отныне не знающих одиночества.

Сиреневый лотос.

Он пульсировал в такт их дыханию. Он пел их общую песню. Он стал мостом между ними — незримым, но прочнее любого камня, тоньше любого шёлка, нежнее любого прикосновения.

Пустота смотрела на них.

И впервые за всю вечность видела себя.

Свет, сплетённый из двух слёз, прошедших через всё, что можно пройти, и не сломавшихся. Свет, который рождается, когда двое любят.

И тогда над ними зажглись два созвездия — Лира и Лебедь. Они смотрели друг на друга через весь небосвод и пели. Их тихая музыка разносилась по всем мирам.

Пустота улыбнулась.

Она больше не была Пустотой.

Она наполнилась.

Жоу замолчал.

Маленькие панды-духи Бао и Бэй спали, свернувшись клубками на бамбуковом коврике. Сюэ Хуа сидела рядом и смотрела на звёзды.

— Красивая сказка, — сказала она.

— Это не сказка, — ответил Жоу.

— А что?

Он помолчал, глядя на два созвездия, которые сияли особенно ярко — Лебедь, летящий к своей Лире.

— Правда. Просто рассказанная так, чтобы поверили.

Он откусил пастилу.

— Бамбук и ирис. Лира и Лебедь. Сиреневый лотос внутри. Всё связано. И слезинки — тоже.

— А мы? — спросила Сюэ Хуа.

— Мы — те, кто рассказывает.

Она придвинулась ближе и положила голову ему на плечо.

Над ними пели созвездия — тихо, чтобы не разбудить маленьких панд. Но достаточно громко, чтобы Пустота, если она где-то ещё осталась, слышала и улыбалась.

Он замолчал и посмотрел на Бао и Бэй. Те безмятежно спали. Только Сюэ Хуа продолжала смотреть на звёзды. Она знала: эта сказка — не только о бамбуке и ирисе. Она о них. Обо всех, кто ищет.

ГЛАВА 1. ПЕПЕЛ НА ГУБАХ

Тишина в доме Давида стояла тяжёлая, вязкая — будто остывший кисель, впитавший всю боль. Она глушила скрип половиц, проглатывала каждое прерывистое дыхание Лео. Воздух, ещё недавно звонкий от её смеха и звенящий от шагов, теперь лежал мёртвым грузом застывшего тумана.

Он стоял у окна, но не видел за стеклом ни тёмных очертаний гор, ни редких звёзд, пробивавшихся сквозь пелену. Взгляд обратился внутрь, в пустоту. В ладони, сжатой до боли в костях, лежала часть их общего сердца.

Когда-то она казалась кристаллом жизни; теперь — осколком льда: холодным, неживым, тяжёлым. Он замер, ежеминутно ожидая услышать тихий треск, увидеть, как оно рассыплется в пыль, — и тогда наступит конец. Но сердце молчало. Эта немая целостность страшила больше любой гибели. Значит, она где-то есть. И значит, он ничего не может сделать.

— Она дышит, — раздался за спиной тихий, усталый голос.

Давид стоял в дверном проёме, прислонившись к косяку. Лицо его, обычно спокойное, посерело и иссушилось, как старый пергамент.

— Пока оно цело, она жива. Это ваша единственная нить, Лео. Не обрывай её гневом.

— Жива? — Лео не обернулся. Слово вырвалось хриплым, пустым, как звук в заброшенном колодце. — Она теперь часть той тьмы, с которой мы сражаемся. Какая это жизнь? Быть заложницей в собственном теле? Тенью в доме своего палача?

Наконец он повернулся. В глазах, глубоко на дне, куда не добирался свет камина, тлела не надежда — холодная, острая ярость.

— Это не стратегия, Давид. Это капитуляция. Моя Лера ушла в лагерь врага, чтобы... чтобы что? Чтобы Виктор, мой отец, вёл её под руку к алтарю своего безумия? Чтобы она пила из одной чаши с пустотой?

Он посмотрел на ледяной осколок в руке. Боль сделалась такой острой, что хотелось закричать, разбить всё вокруг.

— Нет. Она не шпион. Она — жертва. И я вырву её оттуда. Даже если она проклянёт меня. Даже если ради этого придётся спалить дотла этот новый, чудовищный мир, который её поглотил. Ты не понимаешь. Ты не знаешь, что такое любовь! — Голос Лео сорвался на крик.

И в этот миг, когда ярость готова была хлынуть через край, случилось нечто. Не извне — из самой глубины, оттуда, где стучало его одинокое сердце. Не голос и образ, а ощущение. Словно кто-то коснулся старой, давно зажившей раны, и она отозвалась памятью.

Шероховатость коры старого каштана под ладонью — того, что рос на берегу их реки. Он помнил его точный изгиб, твёрдые бугорки под кожей. Он опирался на него спиной, а она

сидела на корнях, шурясь на солнце, пробивавшееся сквозь листву, и говорила что-то о будущем. Что-то бесстрашное. И не витал вокруг запах манго. Только запах влажной земли, речной тины и её волос — теперь полынь и мёд.

Но сейчас к этой памяти прилип, как наваждение, запах манго — сладкий, густой, чужой. И сквозь него, сквозь шероховатость коры и речной запах, проступило одно-единственное, ясное понятие, лишённое чувств, как чистая команда: «Помни».

Лео вздрогнул, будто его ударили током. Это не зов Леры — шрам, оставленный ею. Конкретный, как заноза в сердце. «Помни не её, — будто говорил шрам. — Помни тот каштан. Помни ту опору. Потому что её сейчас нет. А каштан... он, наверное, всё ещё стоит у той реки».

И от этой мысли сделалось невыносимо больно. От того, что мир, их мир, продолжал существовать в мелочах — в шероховатости коры, в запахах, — когда самое главное в нём украдено.

Молча, стиснув зубы до скрежета, он разжал ладонь и снова посмотрел на ледяной осколок. Тот по-прежнему не пульсировал, молчал. Но в тишине комнаты теперь отдавалось эхо другого молчания — того, что зашито в памяти о каштане. И пальцы Лео сомкнулись вокруг хрусталя уже без злобы — с новой, тихой и страшной решимостью.

Давид тихо подошёл сзади. Лео чувствовал исходящее от него тепло.

— Ты сказал: «я не знаю». Ты ошибаешься. — Он тяжело вздохнул, положив мозолистую руку на плечо Лео. — Много раз я упоминал, но никогда не рассказывал всей истории. Теперь расскажу тебе о ней.

История Меден: «Камень и огонь в ущелье»

Вторжение

Её привели к нему не родители — старейшины аула. После набега соседнего поселения многие погибли, а её семья осталась без скота, крова и чести. Девушку-невесту, — а ей минуло всего шестнадцать — отдали в «ученицы» хранителю перевала: как выкуп за защиту и чтобы снять с себя обузу. Для них она сделалась живым погашением долга, для неё — последним унижением.

Она вошла в его саклю, не опустив глаз. Несла на плече котомку, будто оружие. Глаза — чёрные, как обсидиан после дождя, — горели вызовом.

— Говорят, ты сильнейший на перевале, — произнесла она. Голос хриплый от пыли дороги. — Научи меня. Быть... непробиваемой, как эта скала, а не служанкой.

Он, тогда ещё молодой Давид, хотел отказаться. Но увидел в её взгляде тот же огонь, что когда-то горел в нём самом, прежде чем долг затушил его. Почувствовал укол предчувствия: эта девушка принесёт либо великую силу, либо великую беду.

Учение (игра огня и тени)

Он учил её не по книжному. По-горски.

— Сила не в кулаке, а в стойкости, — говорил, заставляя часами стоять под ледяным водопадом. — Как дерево на ветру. Гнётся, но не ломается.

— Удар должен приходиться не от злости, а от тишины внутри, — наставлял он, парируя её яростные атаки одной рукой. — Как лавина. Сначала тишина, потом — всё.

Она впитывала всё с жадностью волчонка. Но характер её не стал тише — острее. Она не желала становиться деревом, она хотела быть ветром, что валит деревья. Не лавиной — грозой, что раскалывает скалы.

Их диалоги превращались в стычки.

Она вытерла кровь с разбитой губы после тренировки:

— Ты сдерживаешься. Боишься меня поранить?

Давид нахмурился:

— Я боюсь, что ты, поранившись, сломаешься.

Она усмехнулась, без тени улыбки:

— Всё, что не ломается от удара, становится только крепче. Разве ты не учил?

Давид учил её читать следы, предсказывать погоду по облакам, находить воду под камнем. А она учила его — чувствовать. Чувствовать ярость закипающего чая на огне. Восторг от первого снега на пиках. Боль от её взгляда, когда он отворачивался, ощущая, как запретное тепло разливается в груди.

Затмение (любовь как угроза)

Однажды вечером, когда они делили лепёшку у огня, она сказала без предисловий:

— В нашем ауле говорят: «Лучше быть вдовой героя, чем женой труса». Я не хочу ни того, ни другого. Я хочу быть... твоей парой. Равной. Как два кинжала в одних ножнах.

Он отпрянул, будто её слова оказались раскалённым углём. Его мир — мир долга, порядка, чётких границ — затрещал.

— Медея, — голос прозвучал жёстче, чем он хотел. — Я твой учитель. Между нами — пропасть выше, чем эти горы. И мост через неё не перекинуть.

— Пропasti не для орлов, — парировала она, не отводя глаз. — Они для них — просто дорога. Ты боишься. Боишься, что твой безупречный «долг» рассыплется, как старый сыр.

— Это не страх! Это уважение! — вскипел он, впервые повысив на неё голос. — Уважение к обычаям, к клятве, к...

— К своей трусости, — закончила она за него. И в её глазах впервые промелькнуло нечто новое — разочарование. Оно жгло сильнее любой ярости.

Вызов (полночный цветок)

На следующее утро он, пытаясь восстановить дистанцию, говорил о легендах. О «слёзнике» — цветке, что распускается раз в поколение в полнолуние на самом дне Ущелья Потерянных Голосов. Говорили, его нектар даёт не силу, а ясность: видеть то, что скрыто, — правду сердец, ловушки судьбы, истинные лица.

— Безумие искать его, — сказал он, заканчивая рассказ. — Туман в том ущелье — не туман, а дыхание самой горы. Оно сводит с ума, заставляет забыть даже своё имя. Забирает годы. Ни один разумный человек...

Он не договорил. Увидел, как её лицо озарилось решимостью. Той, с которой орёл бросается в пропасть за добычей.

— Значит, его ищут безумные, — тихо произнесла она. И больше не заговаривала об этом.

А вскоре он нашёл её записку, приколотую ножом к коре кедра у входа в ущелье. Вместо букв — вырезанный контур цветка. Он понял всё. Кровь превратилась в лёд.

Ущелье (жёлтое дыхание смерти)

Давид ворвался в жёлтую мглу, крича её имя. Туман обволакивал, как влажная шерсть, воровал звук, искривлял пространство. Он шёл на ощупь, ведомый лишь обрывком её шерстяного пояса, найденным на камне.

Он отыскал её на узком выступе, лицом к бездне. В руке она сжимала хрупкий стебель с цветком, похожим на застывшую серебряную слезу. Слёзник. Она обернулась. Лицо бледное, покрытое мелкими морщинками, губы посинели от холода, но глаза... горели победой. И обидой.

— Видишь? — голос еле слышен сквозь гул тумана. — Я нашла ясность. Пока искала, я всё поняла. Ты не боишься обычаев. Ты боишься меня. Боишься, что я окажусь сильнее твоего долга. Что твоя жизнь окажется ложью.

— Медея, иди сюда, — голос его сорвался, в нём не звучало приказа — одна мольба. — Это безумие. Туман...

— Он не безумнее тебя, — перебила она. И спросила просто, как режут хлеб: — Скажи мне правду, учитель. Я твоя слабость или твоя сила?

Он замер. Весь его мир — клятвы, долг, «так принято» — взвыл внутри, требуя молчания. А сердце рвалось наружу с одним словом. Он открыл рот. И произнёс:

— Ты... моя ученица. И ты должна слушаться. Вернись.

На её лице не появилось ни злости, ни слёз. Лишь окончательная, леденящая ясность.

— Нет, — сказала она тихо. — Я больше не ученица. Ученик слушается. А я... вижу, что ты выбрал тень вместо огня. Холод камня вместо тепла крови. Так будь им. Оставайся своим камнем.

Она разжала пальцы. Серебряный цветок упал в жёлтую пустоту и исчез.

— Ты предал не меня, а самого себя. И наказание твоё — помнить. Помнить, как огонь шагнул в бездну, а камень остался стоять на краю. Один. Навеки.

Она отступила на шаг. Не прыгнула. Исчезла. Словно туман вобрал её в себя, забрал обратно своё самое дерзкое создание.

Последствия (камень, пронизанный морозом)

Он искал её до кровавых ссадин на руках. Одежда превратилась в лохмотья. Нашёл только её кинжал, воткнутый в расщелину. На скале она выцарапала одно слово: «Помни».

Он вышел из ущелья стариком. Не только по годам — по душе тоже. Он дал новую клятву — хранить Равновесие. Но то равновесие, которое он построил, стало попыткой заморозить весь мир, чтобы больше ничто не могло растаять, сгореть, уйти. Он сделался не хранителем жизни, а стражем ледника на собственной душе.

И теперь, глядя на Леру, он видел не её. Он видел отблеск того самого огня в её глазах. И понимал: его величайшая жертва в конце — это не долг. Это последний шанс ответить на тот вопрос, который он когда-то оставил без ответа. Шанс доказать, что камень может не просто стоять — он может стать мостом через ту самую пропасть.

ГЛАВА 2. ВИДЕНИЯ ВАЛИНЫ

Цвет дня: фиолетовый

Высоко в горах Кавказа, там, где облака цепляются за скалы, лежало Молочное Озеро. В нём покоилась не вода — Распахнутое Око Земли. И зрачком ему служила неподвижная, густая гладь, белая, как парное молоко, смешанное с лунным светом.

Воздух здесь всегда ощущался иным, но сегодня он стал особенным. Он висел густой, насыщенной духотой, пропитанный запахом глицинии и лаванды. Сама плотность момента. Даже облака, обычно ослепительно белые, отливали глубоким, тревожным лиловым. Свет, падающий на воду и скалы, сделался приглушённым, фиолетовым — будто мир наблюдал за происходящим через толстое аметистовое стекло. Самые смелые звёзды, вопреки дню, уже зажглись на небе: холодные, немерцающие точки, похожие на гвозди, вбитые в бархатный полог мироздания. Фиолетовый День. День, когда решаются судьбы эпох.

Над озером возвышалась Валина. Хранительница Порога. Архитектор ускользающей реальности. Босые ноги чувствовали холод камня, пробивавшийся сквозь тонкую кожу. Она вглядывалась в молочную глубину, и Око начинало отвечать.

Сначала — лишь гул, далёкий, будто раскаты грома за горами гор. От него с цветущих глициний, обвивших скалы у воды, сыпались нежные фиолетовые кисти. Они падали на неподвижную поверхность, лежали, как на снегу. Потом из глубины вырвались всполохи цвета. Цвета спелого, сочного манго, самого сердца тропического солнца. Он окрасил фиолетовый туман, клубящийся над озером, в золотисто-янтарные, почти оранжевые тона — тревожный, чужеродный акцент в холодной симфонии этого дня.

Валина закрыла глаза, но это не помогло. Её сознание, как щепку, подхватило и понесло.

Она больше не стояла на камне. Она была.

Яростью, kloкочущей в груди водителя в московской пробке, когда час его жизни бесследно таял в выхлопных газах.

Обидой старика-торговца на шанхайском рынке, чью последнюю, самую красивую безделушку грубо отшвырнули.

Внезапным, леденящим страхом альпаки на склоне Анд, почувствовавшей звериный след, которого не видели здесь сто лет.

И сквозь эти чужие чувства, как сквозь плотную ткань, прорвался голос — чей-то далёкий и оглушающий:

«— Я не могу остановить её, Прометей, Велес! Уходите, защитите Порог!»

Мужской голос, раскатистым громом, пронзил её насквозь. Она услышала — ощутила, как от этих слов обугливаются самые края её души, тонкие, как паутина.

Чёрная тень, резкая и стремительная, спикировала с неба. Ворон Лир, её страж и предвестник, сел на хрупкую ветвь цветущей сирени. Фиолетовые гроздья, только что тронутые отблеском видения, беззвучно посыпались вниз, ложась на молочную гладь, как последнее предупреждение, написанное на языке этого дня.

«Кар-рам!» — его скрипучий крик вонзился в сознание, словно железный крюк. Он цеплялся не за мысли, а за самую суть, выдирая её из этого жуткого всеприсутствия.

Валина отшатнулась, сделав резкий, неуклюжий шаг назад. Тело не слушалось, онемевшее, будто вырубленное из глыбы льда. В горле стоял ком — не слёз, а чего-то горшкого. Пепел. Пепел сожжённых миров, распавшихся связей, угасших жизней.

Она не плакала. Слёзы — для тех, кто теряет что-то одно. Она только что потеряла ощущение всего. Последним эхом в ней осталось чувство альпаки — тонкое, ледяное прикосновение. Мельчайшая пыльца неведомых красных цветов с ледяных вершин, осевшая на мордочку. Пыльца, которую никто и никогда не назовёт по имени. И эта крошечная, невесомая частичка жизни, утраченная навек, жгла её душу теперь сильнее, чем гибель городов.

— Хорошо, Лир. — Её собственный голос прозвучал чуждо, хрипло, словно скрип полозьев по мёрзлой земле. — Я должна досмотреть. До конца.

Она снова, уже сознательно, отдала себя Оку. Но теперь это стало расчленением. Хирургически точным отсечением кусков реальности для изучения.

Поверхность озера задрожала, зарябила, распадаясь на тысячи мелькающих осколков картин, словно в беспощадном калейдоскопе, который крутит сама судьба.

Валина видела:

Чистые, залитые светом улицы, где люди текли живым, шумным потоком, рассыпаясь и соединяясь, как вода в горном ручье.

Уютные дворики с алыми фонарями, где шелестел шёлк платья девушки, и этот звук казался слаще любой музыки.

Площадь, напоённую жарким солнцем и густым запахом шафрана, корицы и горячего песка, где голос муэдзина плыл в звенящем воздухе.

Величественные фьорды, холодные и молчаливые, вгрызающиеся в стальное море.

Одиноким Биг-Бен в сером, ватном лондонском тумане.

Исполинские секвойи, чьи кроны терялись в облаках, а стволы пахли временем и смолой. Терпкий, животный запах дорогого кофе, витающий над душистыми джунглями.

Всё это сплеталось в одно — в хрупкую, бесценную мозаику живого мира.

А потом тень падала на кусочек мозаики. Сам воздух вокруг сцены будто застывал, теряя объём и краски, становясь плоским, серо-лиловым.

Москва. Женщина в толчее метро грубо, от нетерпения, толкает в спину девушку. Валина ощутила тупой, неожиданный удар в рёбра, выбивающий воздух.

Шанхай. Торговец, лицо искажено злобой, кричит что-то, брызжа слюной. В ушах Валины зазвенело, будто от звонкой пощёчины.

Стамбул. Мужской крик за закрытой дверью, женский плач, а потом... тишина. Мёртвая.

И за этим — приходило Оно. Безликое, уныло-серое, как промозглый ноябрьский рассвет. Оно накрывало города неясной дымкой. Начинал сеять мелкий, мутный дождь. Но капли его не стекали по коже, не освежали. Они жадно, моментально впитывались в тела, в души, в сам воздух, оставляя после себя лишь тяжёлую, безразличную сырость. И никто не замечал подмены. Цвета мира тускнели, выветривались, будто вымытые этим бесцветным ливнем из ниоткуда.

Валина прикусила губу до крови. Солёный, живой вкус смешался на языке с вселенским пеплом.

Она — Архитектор. Её суть вплетена в самые нити реальности. И теперь эти нити не рвались — их медленно, неумолимо вытягивали из неё. Она чувствовала это на физическом уровне: тонкие, фиолетовые нити света, подобные паутине, тянутся от её пальцев, сердца, глаз — вглубь озера, к этим угасающим картинам. И с каждой утраченной сценой нить обрывалась, щёлкая внутри неё сухой, болезненной молнией.

Изображение в Молочном Оке снова исказилось, собираясь в новую, ещё более чудовищную картину. Её пальцы, обычно такие ловкие, впились в ладони.

Под босыми ступнями с тихим, зловещим хрустом треснул древний камень алтаря. Тонкая, чёрная, как ночная трещина, линия побежала от её ног, устремляясь вглубь скалы. Вдоль трещины на миг вспыхнуло и погасло последнее, угасающее сияние фиолетового — словно агонизирующая вспышка нейтронной звезды, после которой остаётся лишь абсолютная, беззвёздная тьма.

ГЛАВА 3. СЕРАЯ ПЕЛЕНА И ТРЕЩИНЫ РЕАЛЬНОСТИ

Цвет дня: синий (индиго) с серыми и алыми вкраплениями

Воздух в монастыре изменился. Давящая мистика Фиолетового дня не рассеялась, но осела, сгустилась, перешла в другую фазу. Свет, пробивавшийся сквозь витражи, стал глубоким, тревожным синим — цветом индиго, цветом ночи перед самой чёрной её точкой. Наступил день пронзительного видения, но видения не будущего, а скрытых связей настоящего. Синий день. День, когда мысль становится острее бритвы, а скрытое выходит на поверхность. Но сегодня этот синий заболел. В его толще плавали тусклые, неподвижные пятна серого, как гниль на плёнке воды, и кое-где сквозь него проступали тускло-алые отсветы — будто капли крови на синей бархатной ткани.

И в тот самый миг, когда трещина побежала по алтарю Валины, в московской кофейне мужчина, только что грубо оттолкнутый, стоял, вытирая с пиджака горячие капли кофе. На дне разбитой чашки, валявшейся у стены, лежала тонкая, чёрная трещина. Позже он будет рассказывать друзьям, что от разливающейся лужи пахло вовсе не кофе, а чем-то невыносимо древним и печальным — как будто ветер принёс запах пропавшей в огне шерсти и холодного, мёртвого камня из глубокой пещеры. Никто ему не верил. Никто не связал запах с трещиной в чашке, а ту — с трещиной в камне у далёкого горного озера.

Но Валина связала. Она почувствовала этот разлом, как чувствуют боль в ампутированной конечности. Ещё одна нить в её чертеже мира дрогнула и порвалась, издав беззвучный, леденящий душу звон. В воздухе монастыря, там, где висели пучки иссопа и дельфиниума — их синие соцветия сегодня поникли, — на секунду пронёсся запах пепла и мёртвого камня.

Холод пробирал её уже не снаружи, а изнутри. Вязкий, липкий холод струился вместе с серым, бесцветным дождём по стенам её монастыря-крепости. Он просачивался сквозь камень и кожу, отравляя сам воздух, которым она дышала. Дождь этот не смывал скверну — он её приносил, тихо и настойчиво. Капли, стекавшие по витражам, оставляли за собой мутные, серые дорожки, затуманивая и без того глухой синий свет.

Тень... Она уже не у границ. Она здесь. Живёт в каждом вздохе, в каждой невысказанной обиде.

Валина подошла к краю алтаря. Молочное Око перед ней продолжало буйствовать. Оно клокотало, выплёвывая на поверхность всё новые и новые сцены угасания. Она увидела, как в одном из миров гаснет последний источник чистой воды. Её собственная ладонь дёрнулась — на коже проступила красная, жгучая отметина, будто от прикосновения к раскалённому железу. Фантомная боль от раны мира. Синий свет вокруг неё на миг вспыхнул алым, осветив лицо, искажённое гримасой боли, прежде чем снова погрузиться в тревожную глубину.

— Они не видят... — её шёпот звучал сухо и хрупко, как шелест рассыпающегося в пыль древнего свитка. — Не чувствуют, как оно в них въедается.

Видения продолжали сыпаться, как град.

Шанхай. У стен старого храма кричали друг на друга пожилые супруги. Их лица, когда-то нежные, теперь искажала гримаса чего-то мелкого и злого. В тончайшем, невидимом чертеже реальности, который Валина хранила внутри, в секторе, отведённом под тихую, прочную любовь, погасла одна из немерцающих звёзд. Она рассыпалась в прах беззвучно и бесповоротно. Валина сжала кулаки так, что ногти впились в кожу. По каменному полу её святилища, выложенному синей сланцевой плиткой, с тихим скрежетом поползли новые, паутинные трещины. Из трещин, вместо энергии, потянулся холодный, серый пар.

Холодные фьорды Норвегии. Эхо выстрела разорвало хрустальную тишину. Два бывших друга, выросшие вместе, ловившие одну рыбу в одних водах, стояли теперь друг против друга. Ненависть в их взглядах настолько густая, что стирала общее прошлое — она пожирала само будущее этого тихого места, отбрасывая его в небытие, как пустую раковину. Валина зажмурилась, но это не помогло: где-то глубоко внутри, в том самом месте, где хранится музыка миров, она слышала глухой, отвратительный щелчок. Будто лопнула струна, на которой держалось небо над этим одиноким берегом. И небо начало медленно, неотвратимо сползать вниз. В её ушах стоял звон, и сквозь него она слышала, как по синим стёклам окон монастыря забарабанил учащающийся серый дождь.

Она открыла глаза. Взгляд стал пуст и тёмн, как два колодца, уходящих в самую сердцевину ночи, где нет ни звёзд, ни дна. Всё погрузилось в этот больной, глубокий синий цвет, и только её собственная фигура, очерченная призрачным свечением от Ока, казалось, держала на себе весь этот налитый горем воздух.

— Знаю, — выдохнула она. И этот вздох отозвался внутри неё сдвигом целых тектонических пластов — грохотом, который никто, кроме неё, не мог услышать. — Знаю, с чем столкнулась. Но как сражаться с Тенью, которая уже не враг у ворот? Которая стала частью их собственной плоти и крови, их усталости, их разочарования?

Лир, всё ещё сидевший на краю алтаря, резко повернул голову. Его блестящий, как отполированный обсидиан, глаз уставился на неё, не мигая. В синем свете его оперение казалось не чёрным, а густым, живым индиго.

«Кар-рам! — его карканье походило на скрип ржавых ножниц. — Время точит клюв. Оно не спит. Ждёт, чью кость склевать первой. Твою или их?»

— Оно получит лишь прах, — прошептала Валина, глядя на свои руки, где, словно синяки от невидимых ударов, проступали всё новые фантомные отметины. — От меня. От них. От всего этого мира. Если я не найду... если я не смогу спасти то, что они сами уже не считают нужным спасать.

Она закрыла глаза, отчаянно пытаясь в этой какофонии разрывающихся связей, в этом гуле гнева и боли, уловить хоть что-то чистое. Одинокий смех ребёнка. Обрывок старой песни. Шёпот влюблённых под луной. Хотя что-то, что напоминало бы, за что стоит бороться.

Но слышала только нарастающую тишину. Не мирную, а тяжёлую, густую, как смола, и пропитанную насквозь ядовитым гневом. Синий свет вокруг неё, свет интуиции и проницательности, начал меркнуть, сдавливаемый наступающей со всех сторон серой, безразличной

мглой. И в глубине этой тишины, уже почти на ощупь, родилось страшное понимание, ясное и неотвратимое, как приговор.

Победить тьму стенами нельзя. Её можно только... исцелить.

Валина вздрогнула, будто очнулась. Пальцы разжались, и она медленно, словно после долгой болезни, отвернулась, направляясь к тёмному проёму монастыря. За её спиной Молочное Око, лишённое её взгляда, потемнело, став похожим на огромную, слепую лужицу чёрной смолы на фоне угасающего синего камня.

А на древней яблоне у озера с тихим, печальным хрустом засохла и осыпалась ещё одна цветущая ветвь. Её лепестки, прежде бело-розовые, упали в молочные воды уже серыми, растворившись без следа.

ГЛАВА 4. ТЕНЬ С МЕЧОМ И ДОЛГИЙ СВЕТ

Мир не раскололся на куски — выцвел, будто старая фотография под дождём. Он рассыпался на два разных племени: «поражённых», в чьих глазах плескалась тихая, безразличная пустота, и «чистых», чьи сердца ныли от боли за каждого потерянного. Граница между ними тоныше паутины, и переступить её можно в один миг — перестав чувствовать.

«Поражённые»: пустота, ставшая плотью

Артём шёл по улице, сжимая в руке булыжник. Он не помнил, зачем поднял его. Память стала скользкой и ненадёжной, как рыба, вырывающаяся из рук в тёмную воду. Сначала из мира ушли оттенки: небо сделалось серо-бурым, трава — грязно-жёлтой. Затем исчезли запахи: свежесть после дождя, аромат хлеба из пекарни за углом. Потом — лица. Он с трудом вспоминал черты матери. Осталось только смутное ощущение тепла, которое теперь раздражало, как назойливое воспоминание о лете зимой.

В окне на втором этаже он увидел женщину. Она прижимала к груди маленькую девочку, губы беззвучно шевелились, по щекам катились слёзы. Внутри Артема что-то ёкнуло — острое, колющее раздражение. Её страх нарушал тишину, что нарастала в нём самом, холодная и тяжёлая, как лёд на застывающей реке.

«Надо сделать тише», — прошептал в голове безликий голос, лишённый тембра и тепла.

Артём размахнулся и швырнул камень. Окно брызнуло звёздами осколков. В ночную тишину ворвался пронзительный, живой детский плач. Звук врезался в его пустоту, как нож. И тут же смолк — задавленный навалившимся сверху тяжёлым, холодным облегчением. Раздражающий звук исчез. Ещё одна трепетная, ненужная жизнь перестала вибрировать и мешать великому, безразличному покою.

Чистые: страх, ставший дыханием

Их ковчегом в море серого дождя стала горная пещера. Вика, прижавшись лбом к плечу Женья, вслушивалась в звуки снаружи. Сквозь монотонный шелест дождя пробивался протяжный, тоскливый стон — словно сама земля сквозь сон плакала от боли.

— Это она, — выдохнула Вика, и пальцы впились в куртку мужа. — Лера. Я узнаю её голос. Даже... даже таким.

— Не её, — тихо поправил Женья. — Это боль говорит. Сама она там, в глубине. Мы должны в это верить.

Рядом, скрестив руки на груди, сидела Тин Шан. Её острый, отточенный, как клинок, ум теперь оказался бесполезен. Она могла строить стратегии против корпораций, просчитывать ходы конкурентов, но не против этой тихой, ползучей пустоты.

— Лео бы уже всё понял, — сказала она, не отрывая взгляда от тлеющих углей. В её голосе не слышалось привычной едкой иронии или зависти — лишь усталое, горькое признание факта. Она, всегда соперничавшая с ним, теперь отдала бы всё, чтобы снова слышать его дерзкие аргументы и видеть эту бесшабашную ухмылку.

— Он в России. С Виктором, — добавил Янь, их друг-писатель, чьи слова когда-то создавали целые миры, а теперь бессильно застревали в горле, не в силах описать этот хаос. Его взгляд скользил по серой стене пещеры, теряясь в безликом потолке. — Надеюсь, они нашли друг друга.

Тин Шан резко подняла голову, и в глазах на мгновение мелькнула старая, невысказанная боль.

— С Виктором? Или против него? Мы не знаем, на чьей стороне теперь его названный отец. Он ведь... он тоже отмечен Тенью.

Тишина в пещере сгустилась, стала тяжёлой и вязкой, как жидкий свинец.

Сияние в руинах: волчица и голубь

Три ночи назад, бредя по городу, превратившемуся в каменный скелет, они увидели Вспышку. На рухнувшем шпиле старого дома возвышалась белая волчица. Её левый глаз горел алым, как тлеющий уголёк, а правый — цветом самой молодой весенней листвы. Она смотрела на них не как хищник на добычу, а как древний провидец, оценивающий души.

— Это же... — прошептал Жень, и в памяти всплыли обрывки снов, странные рассказы Лео о прошлых жизнях. О Ксуеман — духе-хранителе Леры.

— Она ведёт, — твёрдо сказала Тин Шан, и в её сломленной позе появилась струнка. Воля к действию, пусть отчаянному и безумному, вернулась к ней. — Идём.

Волчица скользнула вниз, не касаясь земли, будто ступала по невидимым ступеням, и они, зачарованные, пошли за ней. Вскоре к ним присоединился белый голубь. Его перья светились изнутри мягким, молочным сиянием, отбрасывая на облупленные стены призрачные блики. Это дух Лео. Птица летела впереди, указывая путь сквозь лабиринт руин, где каждый перекрёсток мог стать ловушкой. Поражённые, попадаясь на пути, замирали при виде этого странного шествия. Их пустота на мгновение колебалась, будто в спокойную гладь застоявшейся воды упал камень, подняв муть давно забытых чувств.

К рассвету, измученные, но не сломленные, они вышли к подножию холма, где стоял Храм Нефритового Будды. У ворот, неподвижный и незыблемый, как сама скала, ждал монах.

— Чан Гуан, — тихо произнесла Тин Шан, опуская голову в редком для неё жесте глубокого уважения. ##. Долгий Свет.

Монах молча кивнул и беззвучно распахнул перед ними тяжёлую, потрескавшуюся дверь.

Храм: убежище и вопросы

Воздух внутри пах стариной: ладаном, вековой пылью и сушёной полынью. В центре зала, озаря полумрак, сияла статуя Нефритового Будды. Чан Гуан разжёг огонь в жаровне и, не говоря ни слова, протянул каждому по грубой керамической чашке с дымящимся чаем. Его движения бесшумны, полны неспешной, природной грации.

— Вы пришли не случайно, — голос его тих, но заполнил всё пространство храма, коснувшись самых глубин их усталости. — Посланники выбирают лишь тех, в ком память ещё не стала пеплом, а сердце не отвердело камнем.

— Как нам их спасти? — срывающимся, почти детским голосом спросила Вика, глотая подступающие слёзы. — Всех этих людей? Они же... они как пустые куклы!

Монах внимательно посмотрел на неё, а затем медленно провёл рукой по воздуху перед собой, будто доставая что-то из самой ткани тишины. На ладони лежала старая, потёртая монета со стёртым лицом императора.

— Они не забыли. Они — потеряли, — сказал он. — Как теряют монету в пыли дороги. — Он протянул её Женю. — Не ищите саму монету. Ищите того, кто её уронил. Верните ему потерю — и вы вернёте крупицу его души.

Янь, приподняв бровь, смотрел на монету с жадным, писательским интересом.

— А где искать? Где они, эти... «потерявшие»? Нам нужно место, крепость...

— Вокруг вас, — Чан Гуан улыбнулся, и в улыбке его — бездна печали и бесконечное понимание. — Вы искали стены. Но настоящее убежище — не место. Это — взгляд друга, который помнит ваше имя, когда вы сами его уже забыли. Это — рука, которую не надо просить о помощи, потому что она уже тянется к вам.

Воспоминания и боль

Позже, сидя у огня, они делились обрывками прошлого, как последними крохами хлеба, способными поддержать жизнь.

— Помнишь, Жень, то лето на крыше? — тихо начала Вика, уставившись в пламя. — Лео тогда носился с идеей объединить мир через какую-то общую сеть. Таким смешным, гордым и... безмерно красивым в своей одержимости он был.

— «Мы будем вместе навсегда», — процитировал Жень, глядя на огонь, в котором угадывались лица. — Это Лео сказал. В тот вечер, когда мы запускали бумажных змеев, и твой улетел за соседний дом. Помнишь, как он смеялся?

— В Пекине, в том кафе с зелёными стенами и треснувшим зеркалом, — подхватил Янь, на губах его дрогнула тень улыбки. — Мы пили улун, и Тин Шан доказывала Лео, что его проект провалится с треском. А он парировал каждое её слово, будто фехтовал на эспадронах.

Тин Шан усмехнулась, и в этот миг она снова стала той самой острой, амбициозной девушкой, а не загнанной беженкой.

— Он всегда был невыносим. Гениальный и невыносимый. — Голос её неожиданно дрогнул. — И сейчас, чёрт возьми, я отдала бы всё, чтобы снова с ним спорить до хрипоты.

— Он жив, — твёрдо сказал Жень, обнимая Вику за плечи. — И Лера жива. Мы должны в это верить. До конца. Иначе за что мы тогда сражались? За что...

Он не договорил, но все в тишине комнаты поняли: за что они когда-то, в той, прошлой, разбитой реальности, отдали свои жизни.

Тень с мечом: правда и ложь

А над миром, как вечный укор и единственная призрачная надежда, парила Тень с мечом. Когда её леденящий стон прорезал ночную тишину, «поражённые» замирали на месте, будто в них на мгновение просыпалось что-то древнее, чужое и страшно знакомое. А «чистые» чувствовали, как из самой глубины памяти поднимается что-то горькое, щемящее и бесконечно важное.

В одну из таких ночей Вика не выдержала и вышла из храма. Дождь, мелкий и холодный, тут же смыл с её лица дорожки высохших слёз и пыль дорог. Она смотрела вдаль, в колышущуюся серую пелену, не пряча лица.

— Лера! — крикнула она, вкладывая в этот крик всю тоску, всю веру и всю оставшуюся силу. — Мы здесь! Мы помним! Лео ждёт тебя! Он не сдался!

Ветер принёс ответ — не стон, а едва различимый шёпот, будто доносившийся из-под толщи льда:

— Я не могу остановиться... но я пытаюсь... пытаюсь их отпустить...

И на мгновение, в синей вспышке далёкой, одинокой молнии, Вика увидела не монстра на чудовищном коне, а измождённую, почти прозрачную женщину с огромными глазами, полными такой немой муки, от которой у самой Вики захватило дух.

Фиолетовый кролик

На рассвете, когда туман стлался по земле густыми, призрачными волнами, маленькая девочка в грязном, порванном платьице брела по пустой улице. В руках она судорожно сжимала тряпичного, одноглазого, фиолетового кролика.

Из серой пелены прямо перед ней возникла Тень. Женщина на коне, чья грива и шерсть чернее самой тёмной ночи. Длинный клинок в её руке казался осколком звёздного света, заточенным для убийства.

Девочка не испугалась. Она подняла бледное, испачканное личико и прошептала:

— Мама... ты пришла за мной?

Тень замерла. Конь беспокойно переступил с ноги на ногу. Длинный клинок в руке женщины дрогнул, описав в воздухе крошечную, дрожащую дугу. Весь воздух вокруг содрогнулся от беззвучного, внутреннего стога, в котором, казалось, собралась вся боль мира.

— Нет, — голос Леры тише шелеста высохшей листвы под ногами. — Я не за тобой.

Она сделала шаг вперёд, и девочка увидела, что по лицу женщины, покрытому пылью и пеплом, текут слёзы. Они оставляли на коже чистые, бледные дорожки.

— Беги, дитя, — сказала Лера, и в голосе вдруг проступила крошечная, тёплая трещинка. — Беги и найди тех, кто... кто помнит, как пахнет свежий хлеб, только что из печи. Как смеётся мама, когда щекочет тебя. Какого цвета бывает небо в ясный, безветренный день.

И, резко развернув коня, она растворилась в тумане, словно её и не было.

Девочка стояла на месте, сжимая в руках влажную от дождя лапу кролика. Тоска, острая и незнакомая, сжала горло. И вдруг в воздухе перед ней... возник запах. Не полынь, не гарь, не сырость. Пахло чем-то свежим, тёплым, хрустящим. Так пахло что-то... из «до». Она не помнила слова «хлеб». Но ноздри вздрогнули, а во рту неожиданно, против воли, собралась слюна. Это длилось лишь миг, один короткий, судорожный вдох. Потом запах исчез, смытый сыростью тумана.

Но дырка в серой, безразличной пелене мира осталась. Крошечная, почти невидимая. Через неё теперь можно было тосковать, помня.

Девочка прижала мокрого кролика к лицу.

— Как... пахнет? — прошептала она в грязный мех.

Это был её первый вопрос, который не о еде, тепле или страхе. Это был вопрос о чуде.

ГЛАВА 5. ЛЕГЕНДА ЖОУ И ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕО

Холодный воздух в горной долине Давида на Кавказе пах хвоей и ледяным ручьём.

Лео не находил себе места. Тишина в доме Давида стала густой, липкой — давила на виски. Каждое дуновение ветра за стеной казалось её шагом, каждое потрескивание поленьев в очаге — приглушённым эхом её голоса. Он стоял у окна, видя не заснеженные пики, а её спину, уходящую в туман с фигурой Виктора.

Тогда вошёл Жоу. Не вприпрыжку, как обычно, а тихо, будто ступал по поверхности очень глубокой воды. В лапах он нёс потрёпанный, замшелый камень с выдолбленной серединой, где тлела горсть сухих трав — полынь, чабрец, что-то ещё, от чего воздух затрепетал горечью и древностью.

— Места много, а сидишь в углу, как затравленный волчонок, — пробормотал Жоу, не глядя на Лео. Голос его потерял привычные переливы, стал ровным и глухим, как звук удара по пустотелому стволу тысячелетнего кедра. — Когда больно вот так, до костей, люди смотрят вперёд — ищут, куда бежать, чтобы не болело. А мудрые... мудрые смотрят назад. В самое начало. Туда, где боль и радость ещё не разбежались по разным углам, а сидят рядышком, как два птенца в одном гнезде.

Он деловито почесал лохматую голову и сел на пол у очага, спиной к теплу, мордочкой к ледяному окну и Лео.

— Был у меня... собеседник. На самой крыше мира, где облака ложатся спать у подножья скал. Там живёт Гнездо, что помнит Первый Вдох. И в нём — Трёхглавый Орёл. Не золотой от алчности. Золотой, как первый луч, который решил быть лучом. В его гнезде лежит то, что не украдёшь. Яйцо Мироздания.

Жоу повертел камень в когтистых лапах, и дымок пополз причудливыми змейками.

— Говорят, в нём — узор, по которому шили всю эту реальность. Чертёж. Азбука, из которой сложены все слова, включая «любовь» и «прощай». Две головы у Орла видят ясно: одна — всё, что было (и это гора памяти, под которой можно захлебнуться). Другая — всё,

что могло бы быть (и это пропасть возможностей, в которой можно потеряться). А третья... — Жоу сделал паузу, и в ней прозвучал скрежет далёкого ледника. — Третья голова — слепая. Или спит. Она должна видеть то, что есть. Здесь. Сейчас. Без прикрас прошлого и страхов будущего. Пока она спит — яйцо не вылупится. А мир... топчется на месте, повторяя одни и те же ошибки в новых одеждах. Война, предательство, любовь, потеря... всё по кругу. Как будто кто-то забыл пароль к следующей странице.

Он тяжело вздохнул, шмыгнув носом.

Лео не шелохнулся, но Жоу почувствовал, как внимание в комнате сгустилось, как холодный воздух у окна.

— Зачем тебе это знать, волчонок? — тихо спросил дух. — Чтобы найти яйцо? Его не найти. К нему можно только прийти. И для этого нужно не лезть вверх, на ту крышу мира. Нужно упасть так глубоко, чтобы провалиться сквозь дно собственного отчаяния. И там, в самой глубине, где уже не больно, а просто... тихо, найти дверь в «когда». В момент до всех выборов. В начало легенды.

Жоу встал и вдруг снова стал похож на себя — чуть сгорбленного, с хитринкой в глазах.

— Сказки старого енота-духа, забившего голову горными туманами. Прости. Греюсь у твоего очага, а несую окопелесу. Непривычно, да?

Он потянулся к двери, но на пороге обернулся. Взгляд его уже не был древним — острым, как шип.

— Но если решишься падать... падай с открытыми глазами. Иногда, чтобы увидеть свет, нужно сначала как следует разглядеть тьму.

Жоу вышел, виляя пушистым хвостом, и дверь захлопнулась.

Лео остался один. Тишина снова навалилась, но теперь она стала иной. Не давила — звенела. Звенела тем местом, куда можно упасть. Тем яйцом, в котором, возможно, хранился чертёж... не спасения мира. Чертёж связи. Той, что разорвалась у него в груди, оставив кровавую, сиреневую полосу.

Он вышел без вещей, не оставив записки.

Давид, стоявший на крыльце и смотревший, как гаснут последние краски на снегах, увидел его. Увидел лицо — пустое от всего, кроме одной, точечной, невыносимой тяжести намерения.

— Куда? — только и спросил Хранитель Равновесия.

— Падать, — просто ответил Лео и направился к самой высокой и неприступной скале, чей зубчатый силуэт чернел на фоне лилового неба, как спина забытого бога.

Давид не стал останавливать. Он видел этот взгляд. Знал: иногда единственный способ не разбиться — перестать цепляться за склон.

А далеко в горах, в своём логове, Жоу смотрел в маленькое зеркальце из обсидиана, где отражалась фигурка человека, бредущего к подножию исполинской скалы.

— Ну что ж, птенчик, — прошептал елот, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на старую, мудрую печаль. — Две головы увидят в тебе или жертву, или инструмент. А вот родится ли третья... это зависит только от того, что ты увидишь в самом себе, когда полетишь вниз. Лети. И не бойся. Самое интересное начинается после того, как ты перестаёшь бояться удара о землю.

Он дунал на зеркальце, и изображение поплыло, превратившись в смутный образ: орлиное гнездо.

ГЛАВА 6. ПАДЕНИЕ К НАЧАЛУ

Лео шёл. Не думал. Ноги сами несли его вверх по тропе, которая становилась всё уже, пока не превратилась в каменную щель между мирами. Ветер выл, вырывая из груди последние

остатки тепла. Он дошёл до края — плоской каменной плиты, нависающей над бездной, где клубился туман, окрашенный последним багрянцем угасающего дня.

Он вспомнил слова Жоу. «Нужно упасть. Провалиться сквозь дно собственного отчаяния».

Отчаяния в нём не осталось — холод. Холод и одна мысль, чёткая, как лезвие: Всё для Леры. Даже это падение.

Он шагнул вперёд — не как самоубийца, а как ныряльщик в тёмные воды за жемчужиной. И полетел.

Ветер выли внутри него, выдувая из души всё, кроме одного образа. Её лица. Ветер свистел в ушах, но звук слышался странным — не нарастающим рёвом, а... мелодией. Вибрацией. Его сиреневое сердце, созданное ими с Лерой, отозвалось на падение низким, нарастающим гулом, как камертон, ударивший о стекло мироздания.

Он падал не секунды, а века. Или мгновения. Время схлопнулось.

И тогда из тумана, рождённого его же падением, вырвались два солнца. Нет — два огромных, пламенных глаза. За ними — вторые, и третьи. Гигантские крылья, сложенные из отсветов закатов и теней горных разломов, распахнулись, принимая его.

Орёл.

Скорее явление, чем птица. Перья его — из спрессованного времени: одни отливали медью древности, другие сияли холодным блеском грядущего, а третьи... оставались просто тёмными провалами, пустотами.

Две могучих головы на змеиных шеях изогнулись, разглядывая его.

— Голова, чьи глаза горели как угли (Прошное): Зачем пришёл, хрупкое? Ты — лишь пыль на склоне нашей горы.

— Голова, чьи глаза — зеркала (Будущее): Он упадёт и разобьётся. Это — самый вероятный исход. 99,9%.

Лео, всё ещё падая, но теперь уже в поле тяжести, созданном самим существом, заставил себя говорить. Чужой голос, сорванный ветром:

— Я ищу Яйцо. Чтобы понять... чтобы спасти то, что важнее меня.

Орёл издал звук — нечто среднее между смехом, гулом лопнувшей тектонической плиты и шелестом зарождающихся галактик.

— Обе головы вместе: Глупец! Ищешь «ГДЕ», когда надо спросить «КОГДА»! Третья голова — не здесь. Она — ТАМ. В мгновении выбора между «для себя» и «для другого». В щели между ударом сердца и следующим ударом!

Одна из голов, та, что из Будущего, клюнула в пустое пространство под Лео. Небо под ногами раскололось, как тонкая плёнка льда. Не в бездну, а во что-то иное. В отсутствие. В точку.

— Падай дальше, искатель! Падай в «когда»! — прогремел голос, и могучие крылья взметнулись, создавая вихрь, который втянул Лео в эту новую чёрную точку.

И он схлопнулся. Вселенная сжалась до размера горошины, до атома, до нуля. Не стало ни света, ни звука, ни мысли. Только чистая, невыносимая потенциальность.

И затем — Большое Разворачивание.

Лемурия. Не «где», а «Когда».

Он проступил сквозь землю, как образ на фотобумаге.

Первое — запах. Десятки, наложенные друг на друга: сладковатый дым тлеющего сандала, солёная свежесть далёкого моря, терпкость незрелой хурмы и холодная, чистая пустота высокогорного воздуха. Воздух густой, его можно почти жевать, и он мерцал, как над раскалённым асфальтом, только мерцание шло не от жары, а от самой реальности, которая ещё не затвердела.

Второе — свет. Он исходил отовсюду. Из мха под ногами, светившегося мягким зелёным сиянием. Из гигантских, похожих на пагоды, грибов-спутников, чьи шляпки переливались перламутром и тихо напевали — высокий, чистый звон, будто ветер трогал хрустальные бокалы. Небо выглядело глубоким фиолетово-золотым, как старинная парча, и по нему плыли тени ещё не рождённых городов и лиц.

Третье — чувства. Лео встал на колени, касаясь ладонями земли. Это — плоть мира: тёплая, упругая, дышащая. Каждый вдох наполнял его чистыми, несмешанными эмоциями. Вот поток безотчётной радости, вот — волна спокойствия глубже океана. А где-то на краю восприятия — щемящая, прекрасная грусть по чему-то, что ещё даже не существовало, чтобы его потерять.

«Цзинцзе...» — прошептал он по-китайски, и это слово, означающее «граница», «предел», «ландшафт души», обрело здесь буквальный смысл. Это и был пейзаж души — первозданной, коллективной. Он вспомнил слова Лао-цзы о Дао, рождающем одно, одно рождающем два... Он находился до этого момента. В точке, где Дао ещё не сделало первый вдох.

В нём бушевали противоречия. Рациональный ум, выстроенный как крепость, кричал, что это галлюцинация, нервный срыв. Но сиреневое сердце, его связь с Лерой, пело тихую, ясную ноту резонанса. Оно чувствовало здесь родственное. Не дом, а пра-дом. Не мать, а пра-мать.

Он поднял голову и увидел лес. Деревья не имели постоянной формы. Они дышали, то уплотняясь в могучие, подобные драконам, стволы из чёрного камня с жилками золота, то растворяясь в сияющих туманах, из которых доносился смех, похожий на звон нефритовых подвесок. Вдали возвышался вулкан — гора света. Из её жерла изливалась медленная, тяжёлая река чего-то вроде жидкого янтаря и звёздной пыли, и в ней плавали какие-то иероглифы, вспыхивающие и гаснущие смыслы.

«Сюшу...» — подумал Лео. Летопись. Я внутри летописи, которая пишется самой жизнью, до того как слова отделились от вещей.

Страх не было. Он почувствовал благоговение. И страшную, вселенскую тоску по чему-то, что он, может быть, никогда и не терял. Тоску, в которой вдруг ясно отозвалось её имя. Лера. Она, с её болью, принявшей весь мир, была бы здесь... дома? Или наоборот, её раны кричали бы здесь громче всего?

«Бабушка по маме рассказывала про Ирий, славянский рай. Сады вечные, молочные реки. Это... не то. Здесь нет „рая“. Здесь есть... сырьё. Первоначальная глина, из которой потом вылепят и рай, и ад, и наш скучный, прекрасный мир с его пробками и запахом кофе. Как юаныши — изначальная пневма. Всё смешано. Боль и восторг ещё не развели по разным углам, как драчливых детей. Они танцуют здесь один танец. И я... я, Лян Лео, с моими счётами, контрактами, моим железным самоконтролем — я здесь инородное тело. Осколок жёсткого, определившегося будущего, занесённый в мягкое, текучее прошлое. Но эта „глина“... она хочет меня сформировать заново. Или я должен взять её и что-то слепить сам? Для неё. Всегда — для неё. В этом ли секрет третьей головы? Видеть не „где“ и „когда“, а „для кого“?»

Он встал. Цель никуда не делась. Орёл. Яйцо. Но теперь это не авантюра отчаяния. Это — паломничество. Путь к сердцу мира, чтобы понять, как залатать рану в сердце одного единственного человека, которая, как он теперь смутно чувствовал, и была микроскопическим отражением трещины во всём сущем.

Он сделал шаг вперёд, в этот дышащий, поющий лес. Мох мягко обнял его ступню. Гриб-пагода засветился люминесцентным светом и пропел ему на прощание две ноты — вопрос и приглашение.

Путешествие в «когда» началось.

ГЛАВА 7. БОЛОТО ВОСПОМИНАНИЙ И КЕНТАВР АЭЛИОС

Лес звучал, рождаясь в самой голове Лео, как отклик на то, что глаза видели, а кожа чувствовала. Шелест светящегося мха походил на шёпот забытого стиха на языке, которого нет. Пение грибов-пагод менялось в зависимости от угла зрения: смотришь прямо — слышишь одну медитативную ноту, взглянешь краем глаза — возникает сложная, печальная мелодия.

Лео шёл, и его сиреневое сердце вело его. Оно вибрировало в такт чему-то, напоминая компас, стрелкой которого стала тоска по Лере. Эта тоска тянула его вглубь, к тёмным, густым зарослям, где воздух сделался влажным и тяжёлым, а свет мха сменился призрачным, зеленоватым свечением, поднимающимся из-под земли.

Земля под ногами превратилась в трясины. Болото Воспоминаний. Под его поверхностью, похожей на тёмное, пульсирующее желе, тускло светились обрывки сцен — как кадры в толще старой киноплёнки. Вот мелькнуло лицо ребёнка, которого никогда не существовало. Вот — силуэт города из не построенных башен. Воздух пахнул старыми книгами, воском и влажной глиной — запахом того, что могло бы случиться, но не случилось.

И тут он услышал звук. Низкий, вибрирующий стон, от которого по поверхности болота разошлись круги. Звук исходил из середины топи, где барахталось существо.

Кентавр. Нижняя часть — тело могучего гнедого коня, но шерсть переливалась, как шёлк под луной, а копыта отливали чёрным, матовым обсидианом. Верхняя часть — торс юноши... или девушки? Черты лица поразительно тонкие и лишённые половых признаков. Длинные, влажные волосы цвета воронова крыла слипались на плечах. Существо билось, его человеческие руки вязли в тягучей жиже, а конские ноги бессильно скользили.

Его глаза, огромные и цвета тёплого янтаря, встретились с взглядом Лео. В них читалась не мольба — изумление от встречи с другой формой жизни и глубокая, всепоглощающая печаль.

Лео огляделся. На краю топи лежал длинный, прямой ствол, похожий на окаменевший тростник. Он подполз к самому краю, рискуя сам погрузиться в тягучую массу.

— Держись!

Он протянул ствол. Кентавр ухватился, и Лео, уперев ноги в твёрдую кочку, начал тянуть. Мышцы горели. Сиреневое сердце загудело мотором, вкладывая в движения странную, не его собственную силу.

С тяжёлым, хлюпающим звуком кентавр выбрался на твёрдую землю. Рухнул, дрожа всем телом. Из гривы стекали капли светящейся жидкости, которые, падая на мох, на мгновение прорастали крошечными, призрачными цветками.

Существо подняло голову. Его глаза изучали Лео. Потом оно открыло рот, и из горла полился образ без слов. Прямо в воздухе возникло сияющее, нестабильное видение: две спирали, золотая и серебряная, переплетающиеся в знак бесконечности. От него исходило чувство безмерной благодарности и любопытства.

Лео замер. Здесь говорят без слов.

— Ты... понимаешь меня? — спросил он вслух.

Кентавр кивнул. Поднял руку и коснулся своего горла, затем — сердца. Потом указал на Лео и повторил жест. Я слышу смысл, который рождается здесь, в груди.

— Меня зовут Лео, — сказал он, прикладывая руку к груди.

Кентавр на мгновение задумался, затем выпустил ещё один образ: горный поток, пробивающий путь сквозь камень, и над ним — одинокая, яркая звезда. Чувство: настойчивость, одиночество, цель.

— А тебя?

Существо коснулось своей груди, и в воздухе возникло новое видение: росток, тянущийся к двум разным солнцам, ещё не решив, к какому из них повернуться.

Аэлиос, — прошептало что-то в сознании Лео. Имя пришло само, как перевод образа.

Аэлиос встал, шатаясь. Он снова посмотрел на Лео и выпустил сложный образ: трёхглавую птицу, парящую над огненной горой, а в её тени — сияющее яйцо. Затем вопросительный знак.

— Да, — кивнул Лео. — Я ищу Яйцо. Чтобы исцелить одну рану.

Аэлиос склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то далёкому. Потом решительно тряхнул волосами и жестом показал: Следуй за мной. В его янтарных глазах появились благодарность и цель.

Они двинулись вглубь леса. Теперь у Лео появился проводник.

Осторожно вышагивая по этому странному месту, Лео украдкой поглядывал на спутника и думал:

«Аэлиос. Существо выбора, застывшее в моменте „до“. Как я сам сейчас. Я был Лео — бизнесмен, муж, стратег. А теперь? Теперь я „тот, кто ищет“. Сбросил все роли, как старую одежду. И это... освобождает. Здесь не нужно быть кем-то. Достаточно просто быть и идти. И сердце, это сиреневое проклятие-благословение, ведёт меня. Оно не болит. Оно... созванивается с чем-то здесь. Как будто Лера уже проложила здесь незримую тропу».

Они вышли на опушку, где лес сменился полем гигантских, звенящих цветов. И тут раздался новый звук — панический. Короткий, визгливый всплеск ментального крика ударил по сознанию Лео, как игла. Аэлиос насторожился, уши прижались. Впереди, в зарослях синих папоротников, что-то мелкое и пушистое отчаянно боролось с тёмным, бесформенным сгустком, высасывающим из пространства все краски.

ГЛАВА 8. ЛЕС ЗВЕНЯЩИХ ЦВЕТОВ И СПУТНИКИ

Поле, на которое они вышли, являло противоположность болоту. Гигантские, в рост Лео, цветы колыхались на невидимых стеблях. Их хрустальные лепестки при малейшем движении воздуха сталкивались, рождая чистый, высокий звон. Воздух пах мёдом, спелыми персиками и чем-то... искрящимся.

Но прекрасную симфонию разрывал тот самый панический визг. В зарослях синих папоротников маленький утконос отчаянно пятился перед аморфной, тёмно-серой массой — Тоской. Она не нападала физически, но вытягивала цвет, звук, смысл. Краски вокруг неё блекли, звон цветов становился глухим.

Утконос метался, из его головы вылетали треснувшие ментальные яйца. Лео уловил обрывки: визг красной тревоги, запах подгоревшей шерсти, липкий образ удушья. Тоска лишь разбухала от этой подпитки.

Аэлиос сделал шаг вперёд, но Лео остановил его жестом. Тоска питается страхом. Нападение лишь усилит её.

Лео закрыл глаза и позволил всему своему отчаянию, всей чёрной пустоте, оставшейся после ухода Леры, хлынуть наружу. Он не проецировал это на Тоску — просто выставил напоказ. От него волнами расходилась абсолютная, бездонная потеря. Тоска замерла, отвернулась от лёгкой закуски и потянулась к неожиданному пиршеству.

Щупальце тени коснулось груди Лео. Сиреневое сердце Леры встрепенулось. Оно пропустило отчаяние сквозь себя и выплеснуло обратно горем, которое помнит любовь. Тёмная волна окрасилась сиреневыми искрами.

Для Тоски это оказалось ядом. Она затрепетала, сжалась и отползла, растворяясь в тенях.

Плюх сидел на земле, тяжело дыша. Его чёрные глаза смотрели на Лео с немим потрясением. Потом он чихнул, и из клюва выкатилось целое, сияющее мягким золотом яйцо-образ: тёплый, пушистый шар, внутри которого тикал надёжный механизм. Чувство: безграничное доверие.

Лео опустил на колени. Плюх нерешительно подошёл и ткнулся клювом в его руку, а затем деловито залез в потрёпанную охотничью сумку на плече Лео.

— Назову тебя Плюх, — устало произнёс Лео.

Плюх одобрительно крикнул.

Аэлиос коснулся плеча Лео, выпустив образ потушенного, но тёплого очага. Сочувствие. Уважение.

Они двинулись дальше. Но не успели сделать и сотни шагов, как земля затряслась.

Из-за гигантского цветка вышел Лев — Горный Исполин. Шкура цвета застывшей лавы, саблевидные клыки, глаза, горящие жёлтым пламенем. Он вдохнул, и из путников потянулись тонкие нити страха. Лев вдыхал их, как аромат.

Каменеющий Лев. Пожиратель страха.

Лео, глядя в эти жёлтые огни, понял: страх нельзя победить, пока ты его кормишь. С ним можно договориться.

— Хочешь есть? — тихо сказал Лео, выступая вперёд. — Так ешь, но всё сразу.

Он собрал в кулак весь свой страх за Леру — не абстрактный, а острый, как игла, — и мысленно вылепил из него шар. Предложил, как плату за проход.

Лев остановился. Потянулся мордой к невидимому шару и втянул его. Потом пошатнулся, из глаз повалил серый дым.

— Какое... пересоленное! — прогремел в сознании обиженный каменный голос. — С нотами безысходности! Где лёгкий ужас неожиданности?

— Извини, — нашёлся Лео. — Другого нет.

Лев фыркнул.

— Несъедобно! Но... насыщает. Вы идёте к Огненной Горе. Там страх старый, выдержанный. Я пойду с вами. На дегустацию. А если попадётся некачественное... я буду охранять.

Так к их компании присоединился Каменеющий Лев, гурман страха, решивший идти в качестве критика и выборочного охранника.

ГЛАВА 9. СТЕНА ПОТЕРЯННЫХ СНОВ И СИРИН

Вскоре тропа привела их к гигантской, полупрозрачной стене из застывшего света. Внутри неё, как в ячейках улья, клубились архетипические сны: о полёте без крыльев, о реке, текущей вспять, о дереве с корнями в звёздах. Воздух вибрировал от миллиона несбывшихся мелодий.

У подножия сидела Женщина-Птица. Нижняя часть — тело лебедя из перламутра и туманного шёлка, верхняя — женщина с лицом строгой красоты. Одно крыло расправлено, другое сковано ядовито-фиолетовыми кристаллами, пульсирующими болью. Рядом валялась жеода, из которой, видимо, выросли эти кристаллы.

Из глаз Сирин капали тяжёлые слёзы, застывающие в печальные колокольчики. Она пыталась когтем отколоть кристаллы, но безуспешно.

— Опять эта мерзкая рябь на пятом резонансе! — её голос прозвучал в сознании всех троих (и даже Плюх высунул нос из сумки). Голос походил на звук лопнувшей струны арфы, смешанный со свистом горного ветра. — Как можно петь «Песнь Возрождения Рассвета», когда этот проклятый диссонанс режет слух?! Я должна поправить стену! Должна! А эта... эта чешуя на крыле!

Аэлиос подошёл первым, коснулся её плеча, выпустив образ сострадания.

Сирин отпрянула, её ментальный голос зазвенел высокомерием и болью:

— Не трогай! Ты... земное, копытное! Что ты понимаешь в гармонии световых волн?!

Тут вперёд вышел Лео. Он посмотрел на кристаллы как на инженерную проблему.

— Они растут из жеоды. Вы пытались удалить ростки, а не корень.

— Корень?! — Сирин зашипела. — Это же «Слёзы Забвения»! Они растут на разрывах между сном и явью! Их нельзя вырвать! Они... они вплетены в самую ноту моего существа!

Лев фыркнул:

— Страх испортить идеальную песню. С послевкусием тщеславия.

— Замолчи, ты... ходячий карьер! — огрызнулась Сирин, но её голос дрогнул. Лев, как ни странно, попал в точку.

Из сумки вылез Плюх, подошёл к жеоде и чихнул на кристалл. Тот на миг потускнел. Кристаллы питались сложными эмоциями — болью, гордыней, тщеславием. Простая брезгливость Плюха оказалась для них анафемой.

— Надо отравить корень чем-то противоположным, — сказал Лео. — Ты можешь извлечь ноту, которая ничего не значит? Просто звук?

Сирин смотрела на него как на безумца. Потом вспомнила:

— Есть «Пустая Квинта». Интервал. Ни печали, ни радости. Просто математика звука.

— Спой её. На жеоду.

Собрав волю, Сирин закрыла глаза и издала пустую, вибрирующую ноту. Звук, лишённый чувства, ударил по жеоде. Кристаллы задрожали — им нечем стало питаться.

— Теперь! — крикнул Лео.

Аэлиос подскочил и ударил копытом по жеоде с грубой физической силой. Она раскололась, и кристаллы на крыле Сирин осыпались безвредной пылью.

Сирин взметнула оба крыла. Она издала пробный звук — чистый, ясный перелив.

— Вы исправили диссонанс, — она склонила голову в птичьем поклоне. — Я знаю, куда вы идёте. Дорогу охраняют Йети Безмолвия. Моя песня может усмирить их. Позвольте идти с вами.

Лео кивнул. Команда обрела музыканта.

ГЛАВА 10. РЕКА ВРЕМЕНИ, ТЕКУЩАЯ ВСПЯТЬ, И АНДАР

За Поющими Утёсами мир снова переменялся. Они вышли на каменистое плато, где тишина стояла, как в комнате, обитой войлоком. Посреди плато текла река — жидкая серебристая плёнка, текущая не вперёд, а назад, к далёким истокам. На её поверхности плавали отвергнутые возможности, невысказанные слова.

Перейти её вброд не представлялось возможным. Моста не было.

На том берегу, на плоском камне, сидело существо. Андар. Кожа цвета тёмного мха и длинные волосы, словно ночное небо, глаза — две медленно вращающиеся спирали. Взгляд его не оценивал — он принимал, как зеркало.

Он смотрел.

Аэлиос замер, Сирин насторожилась, Лев принюхался:

— Пустота с наполнением. Как вакуум, в котором рождаются звёзды.

Плюх выпустил яйцо-вопрос.

Лео подошёл к краю реки.

— Мы ищем путь к Огненной Горе.

Андар поднял руку и провёл ею над рекой. Серебристая плёнка вздыбилась, образовав зеркальную стену. В ней отразилась суть каждого: у Аэлиоса — два переплетающихся кольца, у Сирин — звуковая волна с затухающим пиком, у Льва — чёрные камни с лучом света, у Плюха — хаотичное облачко, у Лео — трещиноватый сиреневый кристалл с алой точкой внутри.

«ВЫ ИЩЕТЕ ЯЙЦО. ЧТОБЫ ВЗЯТЬ. ВЗЯТЬ — ЗНАЧИТ ОТДЕЛИТЬ ОТ ЦЕЛОГО. ВЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО ОНО — ОТДЕЛЬНО?»

Вопрос повис в воздухе.

Аэлиос первым шагнул вперёд, коснувшись сердца: он готов не выбирать между двумя природами, а найти точку, где они едины. Сирин пропела ноту смирения. Лев тяжело вздохнул: если это состояние включает страх перед небытием — он согласен исследовать. Плюх просто ткнул клювом в своё отражение, и облачко рассыпалось, обняв его.

Все взгляды устремились на Лео.

Он вспомнил Леру. Как потерю. Как часть себя, без которой он расколот. Подошёл к краю реки, глядя в спирали Андара.

— Я не готов принять всё, — честно сказал Лео. — Но я готов принять, что для исцеления её мне нужно исцелить нас. И что для этого, может быть, мне придётся перестать быть просто «Лео». Стать чем-то большим. И меньшим одновременно.

Андар смотрел долго. Потом кивнул.

Он снова провёл рукой над рекой. Зеркальная стена рухнула. Река остановилась, а затем её течение развернулось — потекла вперёд, к будущему, унося тени отвергнутых возможностей.

На месте Андара остался лишь плоский камень. На другом берегу возник мост из переплетающихся корней света.

«ПРОЙДИТЕ. ТЕПЕРЬ ВЫ ИДЁТЕ НЕ ЗА ЯЙЦОМ. ВЫ ИДЁТЕ К НЕМУ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ, ЧТО ОНО УЖЕ В ВАС», — прозвучал затухающий голос.

Они перешли мост. За ним начинался последний подъём к подножию Вулкана Познаний, откуда доносился глухой, мерный гул. Йети Безмолвия ждали на заснеженных склонах.

В Лео что-то изменилось. Он шёл без груза отчаянной цели — с тихой решимостью ученика, идущего на последний экзамен. Его спутники — странные, нелепые, прекрасные — стали частью этого пути. Частью его самого.

ГЛАВА 11. СНЕГА БЕЗМОЛВИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

На склонах вулкана начинался ледяной мир. От белого-белого снега слезились глаза. Он поглощал звук. Шаг Лео, дыхание Льва, лёгкий перезвон крыльев Сирин — всё тонуло в ватной тишине. Это — Снега Безмолвия, охранявшие подступы к жерлу.

Из-за ледяных скал выступили Йети. Высокие, прямые, с прозрачно-серой шерстью. Их лица оставались гладкими, без глаз и ртов. Они тихо стояли, преграждая путь, и от них расходились волны мёртвой тишины.

Когда один из них двинулся навстречу, Лео почувствовал, как из головы поплыли воспоминания. Сначала яркие: смех Леры, вкус её любимого чая. Потом они стали бледнеть, стираться, как рисунки на песке под дождём. Йети не атаковали тело — они стирали память.

Аэлиос замотал головой, пытаясь удержать образ своей сути. Сирин бессильно захлопала крыльями — её песня рождалась из памяти о гармонии, а память таяла. Лев рычал, но в рыке уже не было ярости — он забывал, чего хотел.

— Сирин! — с усилием выкрикнул Лео, чувствуя, как имя Леры уплывает. — Спой им то, что они забыли!

Сирин, дрожа, уставилась на белые фигуры. Что можно спеть тем, кто забыл всё? Её гордый ум, лишённый памяти о мастерстве, нашёл ответ не в высоком искусстве, а в простом.

Она закрыла глаза и запела колыбельную. Простую, древнюю, из трёх нот. Песню, которую могла напеть любая мать любому ребёнку. Звук тепла, безопасности, того, что было до того, как нужно стало помнить.

Её голос пробил тишину. Йети остановились. Их пустые лица повернулись к источнику звука. Изнутри прозрачных тел что-то дрогнуло.

На гладкой щеке ближайшего Йети появилась трещина — словно морщинка. А из-под неё проступил слабый оттенок синего, как небо в день, который никто не помнит.

Йети застыли, слушая. Они не пропустят, но и не нападут. Им стало достаточно этого зова из глубокого прошлого.

— Идите, — пропела Сирин. — Пока я пою.

Лео, Аэлиос и Лев осторожно прошли мимо замерших великанов. Память возвращалась тёплой волной. Образ Леры снова стал ясным.

Они оставили Сирин петь свою бесконечную колыбельную и двинулись к жерлу. Гул становился громче. Воздух пах пылью и горячим камнем. Из разлома в вершине лилось оранжево-золотое зарево.

На последнем уступе, перед пропастью, их ждал Орёл. Огромный, с перьями из живого пламени. Две головы — одна с глазами-пещерами, другая с глазами-звёздами. А над ними парил призрак третьей головы, почти невидимый.

У его лап, в гнезде из молний и солнечных лучей, лежало Яйцо. Гладкое, цвета тёплого перламутра, с мягким внутренним свечением.

«ВЫ ПРОШЛИ ПУТЬ. ВЫ НЕ ВЗЯЛИ СИЛОЙ, НЕ ОБМАНУЛИ. ВЫ ПОНЯЛИ. НО ПОНИМАНИЯ МАЛО. ТРЕТЬЯ ГОЛОВА — ГОЛОВА НАСТОЯЩЕГО. ОНА ВИДИТ НЕ „ЧТО" И „ПОЧЕМУ". ОНА ВИДИТ „ДЛЯ КОГО". ДЛЯ КОГО ТЫ ХОЧЕШЬ ЭТО ЯЙЦО, СУЩЕСТВО ИЗ ДАЛЁКОГО „ПОТОМ"?»

Лео подошёл к краю. Он думал не о мирах, не о победе над Тенью. Он думал об одном человеке. О её глазах, полных боли. О её улыбке, которая была дороже любого сокровища.

— Для неё, — тихо сказал Лео. — Чтобы исцелить её боль. Чтобы она снова могла просто быть. Быть счастливой. И свободной.

Призрак третьей головы вспыхнул, стал плотным, реальным. Голова из чистого, ясного света посмотрела на Лео.

«ТОГДА ВОЗЬМИ. НЕ РУКАМИ. СЕРДЦЕМ. ПОСМОТРИ НА НЕГО И ПОМНИ О НЕЙ».

Лео посмотрел на Яйцо. Он представил порядок, целостность, покой, который в нём жил. Он подумал о Лере, об их сломанной связи.

И Яйцо отпечаталось в сиреневом кристалле его сердца. Теперь рядом с алой точкой любви к Лере пульсировал маленький, тёплый, перламутровый свет — отпечаток целостности, паттерн мира до разломов.

«ТЫ НЕ НАШЁЛ ОТВЕТ. ТЫ СТАЛ ИМ. ТЕПЕРЬ ИДИ. И ПОМНИ: ТО, ЧТО ИЩУТ В НАЧАЛЕ МИРА, НАХОДЯТ ТОЛЬКО В КОНЦЕ СЕБЯ САМОГО».

Пространство закачалось. Огненная гора, Орёл, свет — всё поплыло. Их вытягивало назад, через снега (где Сирин, увидев это, оборвала песню и бросилась за ними), через реку, через лес...

Толчок. Лео очутился на каменном уступе в горах Кавказа, откуда начал падение. Ночь. Холодный ветер. Знакомые звёзды.

В груди, рядом с болью, жил тихий, тёплый свет.

Путешествие в Лемурию завершилось. Главная битва ждала ещё впереди.

ГЛАВА 12. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПРИДАНЫМ

Тишина в долине Давида стала иного рода. Не пустой, а выжидающей — как затишье между раскатами грома. Лео стоял на том же уступе, где неделю назад слушал сказку Жоу об Орле. В груди, под рёбрами, горели два светоча: один — сиреневый, сколотый, но живой, пульсирующий тоской. А другой — новый, тихий, тёплый, как перламутровое яйцо, впечатанное прямо в сердцевину первого. Он не нашёл артефакт. Он стал его носителем.

А ещё у него в сумке что-то крякало. И ворчало.

«— До чего же примитивная вибрация этого мира! Сплошной низкочастотный гул нерешённых проблем. И запах! Пахнет страхом второсортного качества — бытовым, липким, без намёка на философскую глубину!»

Голос в голове звучал скрипуче, надменно и раздражённо. Он принадлежал не дракону Лориэнсу, который всё ещё спал в браслете, а кому-то другому. Лео вздохнул и стянул с плеча потрёпанную походную сумку. Из-под клапана высунулся утиный клюв, а следом — пара чёр-

ных бусинок-глаз. Плюх издал короткое, вопросительное «кря?» и выпустил маленькое, почти невидимое ментальное яйцо: образ усталого, но довольного собой путешественника.

— Ладно, вылезай, — сказал Лео, ставя сумку на камень.

Плюх выкатился пушистым комочком, отряхнулся, чихнул — выпустив крошечное, пахнущее пылью яйцо «апчи!» — и тут же уставился на Лео, ожидая указаний.

Но сумка затрепетала снова. Из её глубины, с таким видом, будто он выходит не из походного мешка, а из парадных врат собственного дворца, появился Лев. Вернее, то, что от него осталось. Размером с мелкого кота, но сложением — всё тот же саблезубый исполин в миниатюре. Его шкура отливала цветом тёмного гранита и застывшей лавы, а взгляд жёлтых глаз полнился несоразмерной, вселенской обидой.

«— И куда ты нас приволок, двухмерное существо? Это что, точка назначения? Камеюки и ветер? Где вулканы? Где Йети, чей страх имел вкус древнего льда? Где хоть что-нибудь, достойное моего...» — он запнулся, оглядывая свои теперь размером с кошачьи лапы, — «... моего текущего пищеварительного интереса?»

— Это дом, — просто сказал Лео. — Пока что. А ты, если хочешь есть, ищи свой страх сам. И потише. Здесь свои порядки.

«— Порядки?!» — мысленно взревел лев, но звук вышел лишь низким, кошачьим ворчанием. — «Я — Грон! Пожиратель Первозданного Ужаса! Меня не интересуют „порядки“ скучных, застывших миров!»

— Грон? — переспросил Лео, подняв бровь. — Серьёзно?

«— Это не имя! Это — констатация факта! Гро-о-он! Звук обвала, предшествующий тишине!» — мини-лев топнул лапой, но это выглядело скорее комично.

Плюх, наблюдая за этой тирадой, склонил голову набок и выпустил новое яйцо: образ надувшегося воздушного шарика, который вот-вот лопнет со смешным писком. Чувство: забава и лёгкое презрение.

Грон повернул к утконосу свою могучую, но маленькую голову. «— А ты чего ухмыляешься, мешок с примитивными нейронами? Твои мысли пахнут болотной тиной и недоразвитостью!»

Плюх не обиделся. Он фыркнул и выпустил прямо в морду Грону самое простое и оскорбительное из того, что мог: яйцо с чистым, концентрированным запахом испуганного зайца. Для гурмана ужасов это выглядело как предложение глотка воды тому, кто жаждет старого вина. Грон попятился, фыркая от отвращения.

«— Фу! Дешёвка! Пошлятина! Убери свою ментальную дрянь!»

Лео, наблюдая за этим диалогом глухих, почувствовал, как впервые за долгое время уголки его губ сами собой потянулись вверх. Не до смеха, нет. До чего-то вроде изумлённой улыбки. Вот оно. Возвращаюсь из путешествия к истоку мироздания с утконосом-эмпатом и львом-гурманом размером с кошку. Логично.

— Хватит, — сказал он, но уже без прежней горечи в голосе. — Оба. Вы теперь здесь. Значит, есть причина. Ведём себя прилично.

Он взвалил сумку на плечо — Плюх тут же юркнул обратно, найдя её самым безопасным местом, — а Грон, ворча, пошёл за ним, высоко неся свою уменьшенную, но гордую голову.

Дом Давида встретил их запахом дымка и сушёных трав. В очаге тлели угли. Давид сидел за столом и что-то мастерил. Его взгляд скользнул по Лео, задержался на сумке, откуда торчал клюв, и на существе цвета камня, с достоинством восседавшем на пороге.

— Вернулся, — констатировал Давид, откладывая нож. — И не один, я смотрю.

— Не один, — кивнул Лео. Он снял сумку, и Плюх, почуяв запах еды, вылез окончательно, усевшись у ног хозяина и внимательно наблюдая за Давидом круглыми глазами.

«— Хранитель Равновесия, — мысленно провозгласил Грон, изучая Давида. — Пахнет старым долгом и замороженным выбором. Скучно. Но... фундаментально. В его страхе есть структура. Интересно».

— Это Плюх, — представил Лео, указывая на утконоса. — Он... чувствует всё. Говорит образами. А это... Грон. Он был больше. Гораздо больше. Съел не тот страх.

«— Я ничего не „съел“! Я... дегустировал! А потом пространство безвкусно схлопнулось!» — возмутился Грон, но для Давида это прозвучало как недовольное мурлыканье.

Давид медленно кивнул, как будто в его жизни появление говорящего утконоса и мыслящего мини-льва являлось рядовым событием.

— Лемурия? — спросил он только.

— Да, — ответил Лео. — Я нашёл не то, что искал. Я нашёл... понимание. Оно теперь здесь. — Он приложил руку к груди.

В этот момент браслет на его запястье — с дремлющим духом Небесного дракона Лориэнса — дрогнул. Тусклое золото жилок вспыхнуло на миг. Раздался голос, звучащий как скрежет чешуи о скалы, полный сонного высокомерия:

«— Кх-кх... Что за низкосортный резонанс? Паттерн прото-бытия? И... фу, какая-то каменно-тревожная вибрация. Ты куда это нас занёс, носитель? В музей примитивных архетипов?»

Лео потёр переносицу. Лориэнс пробудился. Теперь у него наличествовал полный набор: вредный древний дух в браслете и вредный древний лев на полу. Они друг друга стоили.

Грон насторожил уши, повернувшись к браслету. «— А это что ещё за побрякушка с позавчерашним эхом? Древний дух, заточённый в безделушке? Ха! Потерпи поражение с достоинством, товарищ по несчастью!»

«— Молчи, окаменевшая крошка! — зашипел голос Лориэнса из браслета. — Я носил на рогах созвездия, когда твои предки являлись лишь смутным страхом в подкорке первых рептилий!»

«— О, как звонко для того, кто теперь служит брелком! Я, по крайней мере, цел и свободно передвигаюсь! Пусть и в этом... унижительном формате».

Плюх, слушая этот мысленный спор двух монументов самолюбия, сел на задние лапки и выпустил в воздух сложное составное яйцо: образ двух петухов, которые пытаются драться, но оба привязаны за лапы к разным колышкам. Чувство: смешно и немного грустно.

Лео поймал этот образ и не удержался — хриплый, короткий смешок вырвался у него наружу. Давид посмотрел на него, и в глазах хранителя мелькнуло что-то вроде облегчения. Это вышел не смех счастья, а скорее смех признания абсурда. В самой гуще конца света — склочный дракон-браслет и лев-кошка, помешанный на кулинарии страха.

— Ладно, — вмешался Лео, перебивая мысленный спор. — Знакомьтесь. Лориэнс Великолепный — Небесный дракон и дух браслета. Грон, бывший пожиратель страхов, теперь — кот-критик. Вы можете соперничать, можете презирать друг друга. Но вы оба здесь, со мной. Значит, вы часть этого теперь. Привыкайте.

Он повернулся к Давиду, и его лицо снова стало серьёзным, но уже без той щемящей пустоты, что терзала его раньше.

— Жоу прав. Лес горит. Люди теряют себя. Серый дождь идёт. Нужна помощь. Не сила. Не яйцо. Понимание. То, что я принёс. И, кажется, команда для его доставки.

Лео обвёл взглядом странное собрание: утконоса-детектора, льва-критика, дракона-задиру в браслете и себя — человека с двойным сердцем. Всё это походило на сюрреалистичный цирковой поход. И всё же... возможно, именно такой абсурд и нужен, чтобы противостоять безумию мира.

Давид долго смотрел на него. Потом медленно, твёрдо кивнул.

— Тогда пора собираться. — Он взглянул на Грона и на сумку, из которой снова выглядывал Плюх. — И, видимо, собираться придётся... со всем багажом.

«— Багаж?! Я — не багаж! Я — независимый эксперт!» — возмутился Грон.

«— Тише там, фундаментальный шум, — проворчал Лориэнс. — Мне спать мешаешь».

В этот момент дверь с душераздирающим скрипом распахнулась, и в комнату ворвался енот Жоу — взъерошенный, с прилипшим к уху ореховым листом.

— Ой-ой-ой, не смотрите! — затараторил он, спотыкаясь о высокий порог. — Лео, Давид, это не то, что вы подумали! Я не вор! Я — спасатель! Ну, или почти... Скорее, курьер экстренной доставки!

Лео медленно приподнял бровь.

— Ты что, опять нашёл забродившую грушу? Или тебя медведица поколотила за попытку стащить мёд?

— Какие груши?! Какие медведицы?! — возмутился Жоу, отряхивая листовой опад и аккуратно подталкивая вперёд маленькую девочку лет семи. — Вот! Знакомьтесь! Алина!

Давид медленно поднялся во весь рост.

— Что случилось, Жоу? Говори по порядку.

Алина. История скрипки

Енот, переминаясь с лапы на лапу, начал рассказ:

— Раньше всё шло по-человечески! Люди гуляли, грибы собирали, под гитару песни орали. А теперь... — он вздохнул так, что затряслись усы. — Вчера, представляешь, двое мужиков, как звери, подрались из-за куска колбасы! Один другому шапку порвал, второй ему в ответ банку солёных огурцов об башку разбил! А потом, как сговорились, взяли да подожгли молодую ёлочку. Просто так, для веселья!

Алина, молчавшая до этого, тихо добавила, глядя в пол:

— Это была очень красивая ёлка... Папа всегда водил нас к ней под Новый год.

Она замолчала, а потом прошептала ещё тише:

— А моя мама... она стала злой. После того дождя.

— Какого дождя? — насторожился Лео, присаживаясь перед девочкой на корточки.

— Странного, — Алина поёжилась, обняв себя за плечи. — Он был не мокрый... а как пепел. Серая пыль. Мама пришла домой вся в этой пыли, и глаза у неё стали... пустые. Она кричала на папу. Говорила, что он слишком громко дышит и скрипит зубами во сне. Потом взяла и выкинула наш телевизор в окно. А потом... — голос девочки задрожал, — ...мою скрипку. Просто подняла и швырнула об стену.

— Скрипку?! — ахнул Жоу, схватившись за голову. — Да это же военное преступление против искусства и детства!

— А потом мы пошли в лес, — продолжила Алина, глотая слёзы. — Мама сказала: «Здесь тихо. Здесь нет этих противных звуков». Она села под большой сосной и... затихла. Совсем. Смотрела в одну точку. Я долго ждала, а потом... убежала. И встретила его.

Загадка обгоревшего пня

Позже, уже на привале, пока Жоу копался в своих бесчисленных котомках, Алина наткнулась на обгоревший пень. Кора слезла, и на светлой древесине, будто шрам, читались выжженные буквы. Не все. «В... Р...».

Девочка осторожно провела пальцем по тёплым ещё впадинкам. Жоу, подкравшись на мягких лапах, вздохнул:

— Ну, вот... загадка. Ни «Вера», ни «Враг». Просто «В. Р.». Может, это чьи-то инициалы?

Алина покачала головой, не отрывая взгляда от пня.

— Это вопрос. — Она посмотрела на енота своими огромными, слишком взрослыми глазами. — Во что верил этот человек? Или... вернётся ли он?

Жоу замолчал. Потом осторожно положил пушистую лапку на её детское плечо.

— Знаешь что, малышка? Это теперь наш с тобой общий вопрос. Будем искать на него ответ.

Нападение. Грушевая артиллерия

— А! И это ещё не самое страшное! — Жоу всплеснул лапами, внезапно вспомнив. — Сегодня на меня напали!

— Кто? — усмехнулся Лео. — Опять те белки с шишками?

— Хуже! Люди! — енот трагически закатил глаза. — Шли такие, с дубинами, с дикими глазами! Орут: «Отрежем хвост этой говорящей скотине на брелок!» Это я-то скотина?! Я — культурный енот! Я Чайковского уважаю! Еле ноги унёс, в болото нырнул. И знаете, чем отбивался?

— Чем? — спросил Давид совершенно серьёзно.

— Грушами! — гордо заявил Жоу, выпятив грудь. — Я их в старых садах нашёл, они твёрдые, как булыжники. Одну швырнул — бац, прямо в лоб заводиле! Вторую — хлясь, по плечу его подручному! Они такие: «А-а-а, она живая!» — и давай драпать!

— Так ты теперь, значит, партизан с грушевой артиллерией? — Лео не выдержал и рассмеялся — коротко, хрипло, впервые за много дней.

— Я защитник леса и малолетних скрипачек! — надулся Жоу. Но тут же его бойкий вид сник. — Но... — его голос дрогнул, стал тихим и печальным, — звери уходят. Птицы не поют — сидят на ветках, как каменные. Даже муравьи своё хозяйство сворачивают, яйца тащат куда-то в глубину. Они чувствуют. Чувствуют, что идёт... пустота.

План

Они собрались вокруг грубого деревянного стола. На разложенной карте, испещрённой пометками Давида, ярко горели три точки: их долина, далёкий город за горами и тёмное пятно леса.

— Нам нужно добраться до города, — твёрдо сказал Лео, ткнув пальцем в центр. — Если Тень набирает силу так быстро, значит, её эпицентр там. И значит, Лера где-то рядом. Она не контролирует эту заразу полностью. Она борется. Она держится — иначе всё уже рухнуло бы.

— Но как пройти? — спросил Давид. — Долина под защитой древних камней, но за её пределами...

— Я знаю путь! — перебил Жоу, подпрыгивая на месте. — Через Пещеру Шепчущих Камней! Прямой подземный тоннель, старый, как мир, туда никто не ходит! Правда, там эхо такое, что твой собственный храп тебя же и разбудит... И ещё на потолке растут светящиеся грибы... Или это глаза местных летучих мышей? В общем, светло будет, не пропадём!

— Мы возьмём припасы, — вздохнул Давид. — Но главное — не хлеб и не консервы. Главное — память. — Он обвёл взглядом всех, но остановился на Алине. — Ты, маленькая, должна стать нашим живым компасом. Помнить всё: запах маминых рук, когда она завязывала тебе бант. Её колыбельную. Мелодию, которую ты играла на своей скрипке. Это будет наш маяк в этой тьме. Наша задача — пройти и помочь людям... вспомнить. Вернуть им их «скрипки». Их имена, которые они вырезали когда-то на коре деревьев.

Девочка кивнула, сжимая в маленькой ладошке гладкий камешек — подобранный у ручья талисман.

Жоу немедленно бросился к своей корзинке с грушами, проверяя боезапас. Плюх забрался обратно в сумку, высунув лишь клюв. Грон с достоинством улёгся у огня, следя за всеми жёлтым, оценивающим взглядом.

Лео стоял у окна, чувствуя, как в его двойном сердце — сиреневом и перламутровом — рождается не надежда, а нечто более прочное: ясное, неотвратимое намерение. Путь начинался. Со всеми его абсурдными, шумными и вонючими спутниками.

ГЛАВА 13. НОЧЬ ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Алина уснула возле угасшего камина, укрытая старым пледиком. Плюх и Грон мирно спали в сумке Лео, ставшей им новым домом, а Жоу, наевшись лесного мёда, бормотал во сне что-то бессвязное про «грушевые миномёты и еловую оборону». Лео и Давид вышли на узкое, каменное крыльцо.

Над долиной висела тишина — тяжёлая, настороженная, прислушивающаяся. Как перед ударом грома, который уже созрел в тучах, но ещё не прорвался наружу. И где-то там, за тёмными зубцами далёких гор, на самом краю горизонта, мерцал нехороший, багровый отсвет. Будто огромный, плохой глаз приоткрылся во тьме.

— Она там, — сказал Лео, не отрывая взгляда от этого светового шрама на небе. — И мы идём к ней. Через пещеры, через безумие, через этот пепельный дождь.

Давид поднял взгляд. Его глаза, тёмные и глубокие, как лесные озёра в сумерках, отражали прыгающие тени огня.

— Одиночество — не всегда беда, Лео. Иногда это щит, который не пропускает чужую боль. Но её щит... он начал ржаветь изнутри. И теперь режет по рукам её саму.

Угли в очаге уже тлели, окрашивая неподвижную фигуру Давида в багровые тона. Он сидел на спилённом чурбаке, вытаскивая кружку из бруска самшита. Его пальцы двигались с автоматической, годами выверенной точностью. Каждое движение являлось частью ритуала, поддерживающего мир в состоянии приемлемого равновесия.

Лео стоял у открытой двери, спиной к нему. Он смотрел в черноту, но видел не её. Он чувствовал. В груди, под рёбрами, билось не одно сердце — а два. Второе спрятано далеко, во тьме, и каждый его удар отзывался в Лео глухим, сокровенным эхом. От этого эха воздух казался густым, тяжёлым, наполненным неслышным гулом.

— Виктор, точнее Тень, говорит, что нельзя, — произнёс Лео, не оборачиваясь. Голос его звучал приглушённо, но в нём стоял подземный грохот пластов. — Говорит, если мы сделаем этот шаг, сдвинем ось мира.

Нож в пальцах Давида замер на миг, затем снова заскользил по дереву. Его голос прозвучал ровно, как скольжение точильного бруска по стали.

— Ось и не должна сдвигаться, Лео. Она — дверная колода. На ней держится дверь. Сдвинешь колоду — и дверь, хоть и откроется, уже никогда не закроется ровно. Будет скрипеть, пропускать сквозняк, пока не рассыплется от щели.

Лео повернулся. Отражение углей заплесало в его глазах, делая их похожими на тлеющие угли.

— А если эта дверь ведёт в запертую комнату, где всё гниёт? — спросил он. — Может, сквозняк — это как раз то, что нужно? Чтобы выветрить затхлость?

Давид отложил брусочек. Он поднял на Лео взгляд — тяжёлый, похожий на каменную плиту, придавливающую росток к земле.

— Слушай, — сказал он тихо. — Когда я был моложе тебя, я стоял на леднике. Толщина льда — сотни метров. Он казался вечным, неподвижным. Но если знать, куда приложить ухо, можно услышать, как он дышит. Медленно. Почти незаметно. Любой резкий звук, любая вибрация — и эта титановая гора может породить трещину, которая поглотит целый отряд. Баланс — это не про неподвижность. Это про умение слышать это дыхание и не кричать в ответ.

Лео почувствовал, что это не страх. Это — вызов. Пространство дома внезапно съежилось, навалилось на него со всех сторон тесными, пыльными стенами. Ему захотелось с силой расправить плечи, раздвинуть эту давящую оболочку. Вместо этого он сделал шаг вперёд. От его движения по полу, засыпанному соломой и стружками, пробежал тёплый, едва уловимый ветерок. Угли в очаге вспыхнули, выбросив сноп искр.

— Я тебя слышу, Давид, — сказал Лео, и в его голосе зазвучала новая нота — твёрдая, холодная сталь. — Но мы с Лерой... мы не «кричим». Мы — эхо. Мы — один звук, отражён-

ный между двумя скалами. Наш баланс — не в замирании. Он — в ритме. В том, чтобы её сердце билось за меня, когда моё замирает. А моя ясность приходила, когда её захлёстывает собственная сила. Это не разрушение твоей двери. Это... два косяка вместо одного. Прочнее.

Давид поднялся. Его тень, отброшенная колеблющимся светом, вздыбилась на стене, огромная и недвижимая, как скальный выступ.

— Два косяка? — переспросил он, и его голос потерял ровность. — Или две трещины в одной колоде? Ты говоришь о ритме, а я вижу аритмию. Вижу, как ты теряешь почву под ногами, когда она в ярости. Чувствую, как само пространство здесь искривляется от вашей связанности. Оно стонет, Лео. Тихим, высоким звоном, от которого кровь стынет в жилах. Это не гармония. Это — взаимное раскачивание маятников, которое рано или поздно сорвёт их с креплений.

На Лео обрушилось давление — не физическое, а иное. Невидимые тиски закона, что хранил Давид, сжимались вокруг него, пытаясь вдавить в пол, сплющить в единую, правильную, статичную форму. В ответ из самой глубины его существа поднялась волна глубинного, несокрушимого несогласия. Тёплый ветерок усилился, закрутил по полу пепел и пыль, заставил пламя в очаге вытянуться языком к потолку.

— Ты охраняешь порядок, Давид, — сказал Лео, и его голос стал тише, но от этого каждое слово обрело вес свинца. — А мы с Лерой рожаем порядок иного рода. Ты сравниваешь нас с трещиной на леднике. А что, если мы — не трещина, а два потока под ним? Тёплый и холодный. Они не ломают лёд сверху. Они медленно, неумолимо меняют его изнутри. Пока старый лёд не рухнет. И под ним окажется не пустота, а новая, живая река. Уже сбалансированная сама в себе.

Лицо Давида, освещённое снизу багровым светом, казалось высеченным из корневища тысячелетнего дуба. Но в его глазах, обычно непроницаемых, плескалась глубокая, бездонная скорбь. Скорбь того, кто видит, как знакомый берег уходит под воду.

— Река считает всё на своём пути, — прошептал он. — Даже то, что могло бы пригодиться на новом берегу. Ты так уверен в своём новом порядке... а готов ли ты заплатить цену за хаос, который будет ему предшествовать? Готов ли ты смотреть, как рушатся миры, которые, может быть, ещё можно починить?

Лео закрыл глаза. В темноте за веками он увидел не черноту, а сиреневый отсвет — самоощущение Леры. Её страх, вплетённый в стальную решимость. Её любовь, обжигающую, как пламя, и нежную, как листья мимозы. Его собственные сомнения, острые и колющие, растворялись в этом двойном чувстве, как соль в тёплом море. Он открыл глаза. Надменности — нет. Только ясность, приходящая после долгой битвы, когда выбор уже сделан, и лишь идти.

— Цену... мы уже платим каждый день, — сказал он. — Молчанием. Страхом. Этой самой затхлостью, которую ты охраняешь. Ты прав, хаос будет. Но он уже здесь, Давид. Он — в той Тени, что пожирает края реальности. Ты предлагаешь консервировать гниющее здание. А мы... мы предлагаем построить новое. На фундаменте, которого ты не понимаешь. На фундаменте двойного сердца. Где порядок — не в неподвижности камней, а в танце двух планет, что не падают в солнце, потому что держат друг друга на орбите.

Тишина, наступившая после его слов, оглушила. Пыль, кружившая в луче света от очага, замерла в воздухе, образуя призрачную, вибрирующую завесу. Всё пространство дома застыло на острие, колеблясь между двумя полюсами: между тяжёлой, неумолимой неподвижностью Давида и живым, пульсирующим, едва сдерживаемым напряжением, которое исходило от Лео. Резкий треск углей прозвучал ружейным залпом.

Давид медленно опустился обратно на чурбак. Его поза отражала не поражение. Усталость. Усталость титана, который чувствует, как почва векового ледника уходит у него из-под ног.

— Орбита... — произнёс он тихо, словно пробуя на язык это чужое, опасное слово. — Орбита требует безупречного расчёта. Малейшая ошибка — и либо столкновение, либо вечное одиночество в пустоте. Ты веришь, что ваше двойное сердце — и есть этот расчёт?

Он поднял взгляд на Лео. В этом взгляде уже не было спора. Был последний, отчаянный, вопросительный знак, брошенный в бездну нового времени.

Лео выдохнул. И в этом долгом выдохе проявилась вся его убеждённость, выкованная из боли, страха и той невероятной близости, что связывала его с Лерой.

— Нет, — сказал он просто. — Я не верю в расчёт. Я верю в резонанс. И мы его уже нашли. Осталось только... не испугаться его громкости.

Он отвернулся и снова уставился в ночь, где билась вторая половина его сердца. Диалог закончился. Решение не принято. Но поле разметили. И воздух в доме навсегда изменился. Он теперь носил в себе память о столкновении двух истин — одной, уходящей корнями в камень, и другой, рождённой в огне их уникальных сердец.

Давид положил тяжёлую, тёплую руку ему на плечо.

— Помни одно, сынок: Тень сильна, но она не всесильна. У неё нет памяти. У неё нет любви. Пока есть хоть один человек, который помнит запах хлеба и звук скрипки, пока есть ребёнок, задающий вопросы обгоревшему пню, — есть шанс. И этот шанс — ты. Вы.

А внизу, за магической границей долины, в чаще леса, беззвучно шелестел серый дождь. Он медленно, неумолимо превращал сочные зелёные листья — и выжженные когда-то с любовью имена на коре — в холодный, безжизненный пепел.

ГЛАВА 14. ПЛАЧ НАД ПЕПЛОМ И ГРУШЕВЫЕ СНАРЯДЫ

Утро перед дорогой

Пальцы Лео замерли в паре сантиметров от головы Алины. Он боялся разбудить ту хрупкую тишину, что окутала её, как корочка на застывшем молоке. Девочка всхлипнула, и это всхлипывание казалось тоньше паутины — разорвётся от одного неловкого движения. Её ручонки, не крупнее сливы, впились в одеяло. Не держались — шили, сшивали лоскут реальности, в котором ещё стояла мама у плиты и запах корицы.

«Мама пахнет мокрой бумагой», — прошептала она вчера, уткнувшись в его жилет. У Лео в тот момент свело челюсть. Он погладил эти шелковистые, почти невесомые волосики — прикосновение лёгкое, похожее на попытку удержать солнечный зайчик.

— Твои родители не виноваты, — выдохнул он так тихо, что слова растворились в полумраке, не долетев даже до его собственных ушей. — Они любят тебя. Просто... с ними случилось несчастье.

В углу, свернувшись в два тёплых клубка, дремали Луна и Марс — овчарки Виктора, что после его ухода остались у Давида. Их носы подрагивали, вынюхивая сам воздух на предмет примеси кошмара. Алина не боялась монстров. Её страх — тихий и беспощадный: мама у плиты, поворачивающаяся с ложкой в руке. На месте лица — гладкий фарфоровый овал. Ни глаз, ни рта. Равнодушие, доведённое до совершенства. И псы боролись именно с этим. Они ложились по бокам, и их дыхание создавало ритм, под который не вползал фарфоровый ужас. Живые скобки, удерживающие мир от расползания по шву.

— Они хранители снов, — заскрипел старым деревом голос Давида за спиной. — Пока они рядом, кошмары не посмеют войти.

— А если кошмары... настойчивые? — прошептал Жоу, вынырнув из-за его спины с горстью помятых груш. — Я вот однажды видел сон, где все груши в лесу стали золотыми. Проснулся — а во рту сухо, как в пустыне.

Лео не выдержал — губы сами дрогнули в подобии улыбки.

— Это не кошмар. Это твоя обычная жажда наживы.

Енот обиженно шмыгнул носом, прижимая фрукты к груди.

— Твоё приданое, Лео, — Давид кивнул головой в сторону спящих лемурийцев. — Мы оставим здесь. Не до них будет.

Лео согласно кивнул.

Путь через пещеры: смех как трещина в камне

Вход за водопадом оказался скорее щелью, которую мир забыл зашить. Влажный камень нависал над плечами — холодный, неумолимый.

— Ну и щель! — огрызнулся Жоу, протискиваясь следом. — Тут даже сова не просунет совиное достоинство!

— Тише, — шипение Давида слилось с шёпотом воды. — Камни здесь помнят шаги небожителей. Они слушают.

— А я помню, что тут темно! — енот наткнулся на выступ, ахнул и покатился вниз с мягким шлепком. Через мгновение из темноты донеслось: — Жив! Но достоинство, кажется, осталось наверху... вместе с грушей!

Лео рассмеялся — коротко, резко, будто прорвавшийся нарыв. Звук отскочил от стен, рассыпавшись эхом, и на секунду пещера показалась чуть менее враждебной.

— Жоу, ты точно дух леса или просто его хроническая неполадка?

— Я — его праздник! — парировал енот, отряхивая шерсть. — А праздники иногда падают. Это традиция!

Пещера играла с ними, как кошка с мышью. То сжималась до состояния утробы, где сердцебиение отдавалось в висках гулким боем, то раскрывалась в залы, где сталактиты свисали, словно слёзы самой горы, застывшие в вечном падении. В одном из переходов Жоу замер, ноздри дрогнули.

— Мёд... Или это я пахну надеждой?

— Иллюзия, — голос Давида звучал ровно. — Пещера проверяет. Кто клюнет — останется частью её сна.

— Ну, если это ловушка, — вздохнул Жоу, — то самая вкусная в моей жизни.

Он всё же поплёлся дальше, бормоча под нос: — Если мы тут дуба дадим, пусть на памятнике напишут: «Здесь покоится великий воин. И его недоеденный полдник».

В следующем зале стены зашевелились. Не тени — нечто плотнее, пальцеобразные выступы, тянущиеся из камня. В воздухе запахло старым страхом.

— Это... они настоящие? — от высокого писка Лео вздрогнул.

— Нет, — Давид прикоснулся к выступу ладонью. — Это память. Страх, вмурованный в породу. Он хочет, чтобы его признали.

Жоу, осмелев, ткнул лапой в ближайший выступ.

— Холодный. И молчаливый. Может, всё же кинуть грушу? Для установления диалога.

— Не поможет, — уголки губ Давида дрогнули. — Страхи не едят фрукты.

— Мои страхи называются «Пустая кладовая», «Промокшая шкурка» и «Белка-воровка», — задрал нос енот. — С ними я как-то договорился.

Следы на пепле. Встреча

Выбравшись на свет, они ослепли. Не от солнца — его не было, лишь молочная муть, застилавшая небо. И встретили людей. Не толпу — сгусток тишины у едва тлеющего костра. Одежда, обвисшие на плечах, как вторая, безжизненная кожа. Глаза — не пустые. В них плавало что-то, что Лео с трудом узнал: стыд. Стыд за то, что выжил.

— Из долины? — голос старика походил на шелест сухих листьев. — Говорят, там... ещё пахнет землёй после дождя.

— Пахнет, — кивнул Давид. — Пока есть чем дышать, чтобы это почувствовать.

Женщина, прижимавшая к груди свёрток — дитя или просто узел с пожитками, не разобравшись, — заговорила, не поднимая глаз:

— В городе... они теперь не люди. Шелуха. Вчера сосед... он всегда давал нам молока. Вчера он разбил окно. Кричал, что в стенах шепчут. Потом... набросился на жену. Руками. Без ножа страшнее...

Мужчина с обожжённой щекой, шрам на которой лоснился, как мокрая глина, добавил:

— Видели её. Всадницу. С мечом. Она... плачет. А когда плачет, те, кто поражён... замирают. И падают. И на их лицах... покой. Как у спящих детей.

У Лео в груди что-то оборвалось. Звук вышел почти физическим — сухой щелчок, будто лопнула нить.

— Лера...

— Она не убивает, — прошептала старушка у огня, её пальцы, похожие на корни, теребили край шали. — Она... отпускает. Моего Ваню я не видела спокойным с тех пор, как он с войны вернулся. А там, на мостовой... он улыбался. Как в юности.

— Значит, душа ещё борется, — голос Давида прозвучал твёрже. — Если есть слёзы — есть и берег, к которому можно пристать.

— Но почему она не идёт ко мне? — вопрос вырвался у Лео сам, горький и ребяческий. — Я ведь здесь. Я...

— Боится, — Давид покачал головой. — Боится, что если увидит тебя... не сможет сделать то, что должна. Иногда любовь — это не объятия. Это расстояние, которое ты держишь, чтобы не обжечь.

Жоу, до этого притихший, вдруг фыркнул:

— Знаете, что самое противное? Не тени. Не этот серый суп в небе. А то, что люди разучились смеяться так, чтобы живот сводило. Я вчера белке рожу скорчил — она даже не фыркнула. Конец света, когда над твоими шутками не смеются.

Несколько человек у костра неловко, почти виновато, крикнули. Остальные с удивлением посмотрели на говорящую зверушку. Даже старушка выдавила что-то вроде усмешки:

— Говорящий енот? Мутант, наверное. Хотя чему тут удивляться?! Мир сошёл с ума.

— Я... Я дух леса! — возмутился енот, выкатив глаза. — Я никакой не мутант. Я обаятельный, меня все любят. Лео, скажи им.

— Ты явно не Чжугэ Лян, — вздохнул Лео, закидывая длинную чёлку назад.

— Может, и хорошо, а кто это?

— Был такой легендарный китайский стратег. Предвидел на три шага вперёд. Ты — скользкий язык.

— Это ещё почему? — возмутился Жоу, вытянув вперёд язык и скосив на него глаза.

— А не надо было языком трепать, — усмехнулся Лео, вскинув брови. — Молчал бы и сошёл за питомца. Посмеялись и всё. А так...

— Вот! — оживился енот. — Смех — он как зуд. Почесался — и легче. Надо просто найти, куда чесать.

Город. Пепел на языке

Давид с беженцами повернул назад, в долину. Перед уходом он взял руку Лео в свои — ладони оказались шершавыми, как кора, и тёплыми.

— Помни. Тьма не умеет любить. А любовь — не чувство. Это закон. Как тяготение. Она держит миры, даже когда те кажутся разорванными в клочья. Я с людьми возвращаюсь в долину. Будь осторожнее.

Лео кивнул, слова застряли в горле комом.

Когда людские голоса растворились в лесу, он развернулся к деревьям.

— Лориэнс де Астор. Требую присутствия.

Браслет на запястье дрогнул. Чешуйки зашевелились, пошли волной, и на руку выполз сонный дракончик размером с котёнка. Он зевнул, и у него блеснула крошечная розовая глотка.

— Опять? Да ещё и требуешь! А где «Великолепный»? Я только сновидение про клад зарытый...

— Просыпайся. Конца света не заметил? — перебил его Лео.

— У Жоу опять белки весь запас унесли? — дракончик потянулся, и его кости затрещали с тихим хрустом. Чихнул — и выстрелил вверх стружкой огня, разворачиваясь в крылатую тень, чьи чешуйки вобрали в себя весь скудный свет леса.

— Орехи при мне, — обиженно буркнул Жоу, ковыряя в земле лапой. — На чёрный день.

— Ну ладно, — вздохнул Лориэнс, и в его голосе зазвучал металл. — Только потом не ной, что я не предупреждал.

Взлетали молча. Воздух, густой от гари, резал горло. А внизу... Город походил на тело, с которого содрали кожу. Улицы — открытые раны, забитые мусором и чем-то тёмным, что могло быть землёй, а могло — засохшей кровью. Дома зияли пустыми глазницами окон. Фигурки метались, сталкивались, падали. Где-то полыхал пожар, и дым, чёрный и маслянистый, полз по развалинам, как живой. И запах... Запах горелой пластмассы, смерти и подгоревшей каши.

— Боги... — выдохнул Лео, и этот выдох повис белым облачком в ледяном воздухе. — Как быстро...

И тогда он услышал. Сквозь рёв ветра, треск огня, далёкие крики — тонкую, ледяную нить звука. Плач. Не рыдания, а именно плач — беззвучное сотрясение воздуха, от которого застыла кровь.

Он поднял взгляд.

Над центральной трассой, на чёрном, как уголь, коне, стояла она. Фигура в развевающемся плаще, сливавшемся с дымом. В руке — клинок, поблёскивавший тусклым свинцом. Лицо... Он увидел лицо. Бледное, почти прозрачное, с тёмными кругами под глазами. И слёзы. Они текли по щекам медленно, тягуче, оставляя серебристые дорожки на грязи и пепле. Она подняла меч — плавно, почти нежно — и опустила. Внизу одна из метущихся фигур замерла, будто споткнулась о невидимую нить, и мягко осела на землю, погружаясь в глубокий, безмятежный сон.

— ЛЕРА!

Крик вырвался из него сам, разорвав горло. Она вздрогнула. Повернула голову. Их взгляды встретились через сотни метров коптящего воздуха.

Она увидела его.

Её глаза, всегда такие живые, теперь казались двумя лужицами тумана. В них мелькнуло что-то — узнавание? Ужас? Она открыла рот. Изогнулись губы, дрогнули. Но звука не последовало. Лишь беззвучный выдох, пар, смешавшийся с дымом.

— Лера, пожалуйста! — он протянул руку, хотя знал, что это безумие. — Я здесь! Мы найдём способ! Вместе!

Она покачала головой. Не «нет». Словно отмахивалась от мухи. От боли, которая жила в нём и которая через их связь билась и в ней. Потом её взгляд стал остекленевшим, пустым. Она резко дёрнула поводья. Конь взвился на дыбы, развернулся на месте, и она исчезла в разрыве между двумя горящими домами, как призрак.

— НЕТ!

Но его крик потерялся в гулком рёве рушащейся где-то колонны.

Он не помнил, как они выбрались из города. В ушах стоял звон, перед глазами — её лицо, исчезающее в дыму. Лориэнс нёс его на спине, а Жоу что-то кричал, но слова не долетали. Только когда под ногами вместо горелого камня снова оказалась влажная лесная земля, Лео смог перевести дыхание.

Лориэнс приземлился на опушке, где лес ещё пах прелой листвой, а не гарью. Лео слез, и его ноги подкосились. Он прислонился к сосне, шершавая кора впилась в ладонь. Всё тело

ломило. Спину свело оттого, что он забыл дышать. В горле стоял вкус батарейки — кислый, металлический. Она плакала и опускала меч. Эти факты не складывались. Крутились в голове, как два жернова, перемалывая всё внутри в мокрую труху.

«Она борется», — сказал Давид. Но эта борьба походила на медленное растворение в кислоте. И самая чёрная, липкая мысль, выползшая из глубины: «А что, если слёзы — это просто реакция? Как пот? Как выделение яда?»

Он с силой тёр ладонью лицо, пытаясь стереть и мысль, и образ её стеклянного взгляда.

Жоу придвинулся, уткнулся мокрым носом в его колено.

— Знаешь, — прошептал енот, — она могла нас слутть одним взмахом. Как одуванчик. Но не стала. Значит, там внутри... ещё держится та, что не хочет тебя задеть.

Лео зажмурил глаза, будто пытаясь заснуть с надеждой, что, открыв их снова, всё изменится.

— Как достучаться, если она бежит? Если я для неё... как огонь для ночного мотылька?

— Может, она и есть мотылёк, — тихо сказал Лориэнс, складывая крылья с шелестом, похожим на падение сухих листьев. Его глаза, узкие щёлки, светились в сумерках собственным, тусклым золотом. — А огонь — не только греет. Он и сжигает.

Жоу шмыгнул носом, порывлся в своей вечной сумке и достал помятую грушу.

— Может, ей просто есть нечего? На пустой желудок и плачется горше. Хочешь, попробуем кинуть? — он взвесил фрукт на лапе. — Сигнал мирный.

Лео выдавил что-то вроде смешка, больше похожего на стон.

— Ты неисправим.

— Я не неисправим, — поправил его Жоу. — Я — необходимая помеха. Без меня вы бы все тут в трагедию скатились, как в овраг.

Костёр. Разговор вполголоса

Пламя костра лизало сырые ветки, потрескивая, будто споря само с собой. Тени прыгали по стволам, создавая иллюзию движения. Лео смотрел в огонь, пока в глазах не поплыли зелёные круги.

— Давид сказал: «Любовь — это свет». А если свету не за что зацепиться? Если всё, что он освещает, — пепел?

— Свет не цепляется, — голос Лориэнса понизился, вибрация шла откуда-то из глубины его груди. — Он просто есть. И ждёт, пока другие огни перестанут бояться собственной тени.

Жоу, до этого сосредоточенно жевавший, вдруг замер. Положил недоеденный каштан на колени, обтёр лапу о траву. Посмотрел на дракона не с обычной глуповатой обидой, а с внезапной, дикой серьёзностью.

— А огни бывают разные, — сказал он тихо, и его голос потерял всю бутафорскую писклявость. — Ты, змейка, — ты как маяк. Высокий, далёкий, для кораблей. А я — как уголь в мангале. Вонючий, дымный, подгорелый. Но... — он ткнул лапой в грушу. — На нём шашлык жарится. Им руки греют. Без маяка в море заблудишься. А без мангала — в собственной избе с голоду и холода протянешь ноги. Так что не жди, пока к тебе потянутся. Ищи, кому бы дать углей. Или... просто место у огня.

Он снова принялся есть, громко и демонстративно, разрушая пафос. Но Лео заметил, как Лориэнс медленно моргнул, и чешуйки на его горле вспыхнули тусклым медным отсветом. Дракон что-то понял. И, возможно, впервые за долгие века оценил мудрость, запакрованную в метафоры Жоу.

Лео поднялся. Спина болела, но ноги стояли твёрже.

— Возвращаемся в долину. Соберём всех, кто ещё не научился чувствовать. И найдём способ. Не победить её. Достучаться.

— Как? — с набитым ртом спросил Жоу.

— Не знаю. Но если она плачет — значит, сердце не выжжено дотла. А где сердце бьётся, там всегда есть щель.

Лориэнс расправил крылья, и воздух завихрился, поднимая с земли сухие листья.

— Я с тобой. С высоты виднее те тропы, что не протоптаны ногами.

— А я... — Жоу сглотнул. — Я буду грушевым арсеналом. И моральной поддержкой. У меня это хорошо получается.

Лео улыбнулся. На этот раз улыбка оставила морщинки в уголках глаз.

— Спасибо. Без вас я бы...

— Без нас ты бы уже стал памятником самому себе, — перебил енот. — А так — ты наш. Со всеми потрохами. И нашими грушами.

Ночь, в которой зажглась первая звезда

Когда они тронулись в обратный путь, небо на востоке не стало светлее. Оно стало... глубже. Тяжёлый серый полог как будто прохудился, и в прорехе замерцала одна-единственная точка. Не яркая. Упрямая.

— Смотрите, — прошептал Лео, останавливаясь.

Над самой линией гор, в разрыве туч, висело сияние. Отсвет, как на внутренней стороне раковины. Перламутровый, дрожащий.

— Валина, — выдохнул Лориэнс, и в его голосе прозвучало что-то вроде... уважения. — Она пробуждается. Не для битвы. Для свидетельства.

— Что это значит?

— Что мир ещё дышит. И если последний Хранитель Порога открывает глаза — значит, дверь ещё не захлопнулась. Значит, у нас есть время не на подвиг. На шаг.

Жоу, шедший впереди, вдруг встал как вкопанный. Поднял мордочку, уши напряглись в острії.

— Слышите?

Они замерли. Сквозь вечный гул ветра, сквозь далёкий грохот пробился звук. Чистый, как стекло. Детский смех. Один короткий взрыв, потом второй. И тишина.

Лео замер. Кровь ударила в виски.

— Это... не может быть.

— Может, — сказал Лориэнс, и его глаза сузились, вылавливая что-то в темноте. — Потому что смех — это не просто звук. Это утверждение. «Я есть».

— Идём, — голос Лео прозвучал твёрдо. — Нам нужно найти этот смех. И... найти путь к ней. Не чтобы остановить. Чтобы предложить руку. Даже если она её оттолкнёт.

Они двинулись вперёд, в сгущающиеся сумерки. А за спиной, в дымном небе над умершим городом, таяла одинокая тень с мечом. Но теперь в воздухе, пахнущем пеплом и грушей, висело новое ощущение — не надежда, нет. Предчувствие выбора. И тихий, упрямый звон, похожий на звук хрусталя, который кто-то осторожно поставил на край пропасти.

ГЛАВА 15. ТРОПА НЕЗРИМЫХ

Полёт обратно: три тени в небе

Лориэнс скользил над лесом, словно тень среди облаков. Лео сидел прямо, вцепившись в чешуйчатую спину, а Жоу примостился позади, обхватив его за талию и нервно оглядываясь по сторонам.

— Ты чего дёргаешься? — спросил Лео, не оборачиваясь.

— У меня... — енот запнулся, потом выпалил: — Я забыл проверить, надёжно ли завязан рюкзак! Вдруг что-то выпадет?

Лориэнс фыркнул, и в воздухе повисло облачко искрящейся пыли:

— Волнуешься за припасы?

— Не только! — Жоу смущённо почесал ухо. — Просто... когда всё на месте, спокойнее. Я ведь отвечаю за порядок.

Лео улыбнулся, но улыбка тут же погасла. В голове снова всплыла картина: Лера, парящая над городом, меч в руке, слёзы на щеках.

«Где ты сейчас? Что с отцом и Юмин? Как младший брат Жень? Живы ли они?»

Он вспомнил двор в Шанхае, запах лапши с речными улитками — тяньломань. Вспомнил, как Юмин учила его готовить баоцзы, как Жень таскал у неё кусочки теста...

Звери идут к Валине

Они приземлились в густом ельнике. Лориэнс свернулся в маленькую фигурку и — лёгкое тепло на запястье — превратился в изящный драконий браслет.

— Ну что, в путь? — бодро сказал Жоу, проверяя застёжки рюкзака. — Только сначала... — он резко обернулся. — Кто это там?!

Из-за деревьев вышли кабаны — огромная самка и тринадцать поросят, деловито обнюхивающих дикие яблони.

— Тринадцать! — ахнул Жоу. — Это... это же число судьбы! Или проклятия? Надо подумать...

Он шагнул к кабанам, принялся, потом вдруг заговорил на странном, щёлкающем языке. Через секунду обернулся к Лео и зашептал, чтобы никто не услышал:

— Так, докладываю: они говорят, что яблоки тут — просто перекус. Главное — добраться до Валины. Там ещё есть еда и безопасность.

— До Валины? — переспросил Лео, тоже переходя на шёпот. — Вы тоже туда идёте?

Жоу снова переключился на «кабаний», потом перевёл:

— Да. Все идут. Звери чувствуют: здесь скоро ничего не останется. Только ветер и пепел.

— Тринадцать поросят... — задумчиво протянул Жоу. — Это тринадцать шансов! Или тринадцать проблем? Как думаешь, Лео?

— Думаю, что если звери бегут, значит, дело серьёзное, — тихо сказал Лео.

Кабаниха фыркнула, поросята сбились в кучку. Один, самый мелкий, потянулся к рюкзаку Жоу.

— Эй! — вскочил енот. — Это не для тебя! У тебя свои яблоки есть!

Поросята захихикали (как показалось Лео) и шустро откатились.

Дальше путь лежал вдоль реки. Вода была непривычно тихой — ни всплеска, ни шороха. Ветер доносил лишь слабый запах тины и остывшей земли.

На берегу сидела медведица, трое медвежат копошились у её лап.

— Рыба ушла, — сказала она низко и горестно. — Всё ушло. Только ветер остался.

Жоу подскочил, залопотал на своём «зверином», потом повернулся к Лео, приглушая голос:

— Она говорит, что река умерла. Рыбы нет. Даже мальки исчезли. Всё потянулось к Валине — там ещё есть жизнь.

— А куда ушла рыба? — спросил Лео. Вдруг он начал понимать, точнее ощущать этот язык природы, хотя даже не осознал этого.

Медведица подняла глаза — тёмные, полные печали:

— Туда, где ещё бьётся сердце мира. Туда, где Валина. Там, где корни древних деревьев пьют свет из недр земли.

— Три медвежонка... — пробормотал Жоу. — Опять число! Три — это хорошо или плохо?

— Это просто число, — сказал Лориэнс с запястья Лео. — А вот отсутствие рыбы — это плохо.

Медведица посмотрела на дракона, потом на Лео:

— Вы тоже идёте к Валине?

— Да, — кивнул Лео. — Нужно предупредить Давида. Переправить людей.

— Торопитесь, — сказала медведица. — Время тает, как лёд. А страх растёт, как тень.

Один медвежонок подошёл к Жоу, потрогал лапой его рюкзак:

— Груша? — пропищал он.

— Нет! — взвизгнул енот. — Но... вот, держи. — Он достал из бокового кармана сушёное яблоко и протянул малышу. — Это тебе. Только тихо, я сейчас маскируюсь!

Медвежонок радостно схватил угощение и убежал.

Они шли дальше. Лес оживал — но не так, как прежде. По тропе бежали ежи, сбившись в плотную стаю. По веткам ползли змеи. В воздухе роились жуки и комары — все в одном направлении. Ветер доносил их тихий, монотонный гул — будто далёкий звон погребального колокола.

— Они все к Валине, — прошептал Лео. — Значит, они чувствуют то же, что и мы.

— Но хватит ли места? — забеспокоился Жоу, оглядывая рой насекомых. — А еды? А если все начнут... ну, в общем, если кто-то захочет взять то, что не его?

— Тогда мы поделимся, — сказал Лео. — Иначе зачем идти?

Возвращение в долину

Когда они подошли к дому Давида, солнце уже клонилось к закату, окрашивая дымку над долиной в цвет спелой хурмы и старого золота. Воздух, обычно звонкий от стрекота кузнечиков и шёпота ручья, стоял теперь непривычно тих. Тишина здесь оказалась иного рода — собранной, как струны перед началом трудной симфонии.

Луна и Марс выбежали навстречу, но их радостный лай звучал сдержанно, приглушённо. Они тыкались холодными носами в Лео и Жоу, как будто проверяли: настоящие ли? Живые ли?

— Вы вернулись, — сказал Давид, выходя на крыльцо. В его голосе не было удивления, лишь глубокая, каменная усталость и... облегчение. Его взгляд скользнул по Лео, задержался на еноте с корзинкой.

— Мы видели зверей, — сказал Лео, и его голос, привыкший за последние дни лишь к шёпоту леса и мысленным спорам, прозвучал громко в этой тишине. — Все идут к Валине. Волки, олени, даже медведица с медвежатами. Это не бегство. Это... сбор. Единственный шанс.

— Я знаю, — кивнул Давид. Его глаза покраснели от бессонницы. — Птицы уже принесли вести. Лес пустеет. А люди... — Он махнул рукой в сторону поляны за домом, и в этом жесте проявилась вся горечь мира. — Люди приходят сами.

Они обошли дом. И открывшаяся картина заставила Лео замереть.

Под раскидистыми, древними буками, чьи листья уже начинали желтеть, собрались они. Не толпа — собрание уцелевших нот. Человек тридцать, не больше. Они не жгли костёр, не сутились. Они просто сидели. Каждый на своём островке утраченного прошлого, закутавшись не столько в одеяла и плащи, сколько в невидимые коконы привычек и памяти.

Анна. Бывшая учительница музыки из городской школы. Она пристроилась на поваленном стволе, прямая, как дирижёрская палочка. Её пальцы, тонкие и бледные, беззвучно порхали в воздухе — брали невидимый аккорд, вели несуществующий смычок по струнам воображаемой скрипки. Иногда её губы шевелились, и в вечерний воздух вырывался обрывок мелодии — не песни, а чистого, хрустального мотива. Она играла, чтобы не слышать, как в её голове медленно затихает эхо последнего школьного звонка.

Сергей. Инженер-строитель, чьи руки привыкли чувствовать вес и баланс. Он стоял чуть в стороне, лицом к ущелью, и снова и снова щёлкал крышкой своего карманного компаса. Стрелка неизменно показывала на север. «Север есть. Магнитный полюс на месте, — бормотал он себе под нос, как мантру. — Значит, ось не сдвинута. Значит, есть направление». В этой железной логике он искал спасение от хаоса.

Марина. Медсестра из районной больницы. Она сидела на расстеленном плаще и с почти болезненной аккуратностью разбирала и снова складывала содержимое старой походной аптечки. Бинты, вата, йод, лейкопластырь. Каждый предмет занимал своё, строго отведённое место. «Пока можно перевязать рану, — думала она, — пока есть порядок в сумке... значит, ещё не всё потеряно».

Макс и Лиза. Подростки, застигнутые концом света в походе. Они не разговаривали. Они сидели, прижавшись спинами к одному большому камню, и просто держались за руки. Лиза время от времени доставала из кармана потёртый камешек с естественным отверстием посередине — «куриный бог». Она перебирала его пальцами, как чётки. «На удачу», — шептала она так тихо, что слышал только Макс. Он не отвечал словами. Он просто каждый раз крепче сжимал её холодные пальцы в своих тёплых, мозолистых ладонях.

И старик Иваныч. Бывший лесник, пахнувший дымом костра и хвоей. Именно он, знавший каждую тропинку в этих горах, вывел эту разрозненную группу из захлёстываемого серым дождём предгорья в неприступную долину Давида. Теперь он сидел, прислонившись к корявому стволу самого старого бука, и методично, с сосредоточенным видом учёного, пересчитывал спички в картонной коробке. Раз, два, три... Двадцать восемь. Каждая — крошечный, хрупкий огонёк потенциального тепла. Пока он их считал — мир не мог окончательно погрузиться во тьму.

Они все разные. Но в одном они походили друг на друга: их глаза, обращённые на вновь прибывших, светились не надеждой, а вопрошающей решимостью. Они не ждали чуда. Они ждали указания. Куда идти. Зачем бороться. Во что теперь можно верить.

Лео почувствовал, как тяжесть в его груди — сиреневая боль и перламутровое знание — обретает новый смысл. Не безликие «выжившие». Это — причины. Каждый со своей сломанной скрипкой, своим компасом, своей коробкой спичек. Спасать нужно не абстрактный «мир». Нужно вернуть им их мелодии, их направления, их огоньки.

Давид, стоявший рядом, прочёл его мысли в молчании.

— Вот они, — тихо сказал хранитель. — Те, кто не забыл, как пахнет хлеб. Кто помнит ноты. Кто верит в стрелку компаса. Они — твоя армия, Лео. Армия памяти. Осталось только понять, как дать им в руки оружие против чего-то, что нельзя пощупать.

Алина, прижавшись к Лео, смотрела на женщину, перебирающую невидимые струны. В её глазах вспыхнуло что-то родное и щемящее.

— Она... как моя мама, — прошептала девочка. — Мама тоже так играла, когда думала...

И в её голосе не было страха. Была тоска по той, общей для всех них, нормальности, что висела теперь в воздухе, как ускользающий аромат, который ещё можно вспомнить, но уже нельзя вдохнуть полной грудью.

Ночь перед дорогой

Позже, у костра, который они развели чуть поодаль от основного лагеря, чтобы поговорить без лишних ушей, Лео смотрел на пламя и думал о том, что ждёт их завтра. Огонь пожирал сухие ветки, напоминая ему старую поговорку: «Пламя, чтобы согреться, нужно держать близко. Но чтобы не обжечься — на расстоянии одного вдоха». Сейчас они находились слишком близко к пожару мира. Ветер шевелил волосы, доносил запах дыма и далёких пожаров — запах шао-ян, выгорания самой сути вещей.

Рядом, притворно сопя, дремал Жоу — он старательно изображал обычного енота на случай, если кто-то из беженцев подойдёт. А у ног Лео, в глубокой тени от камня, лежали два других, невидимых для посторонних, существа. Плех свернулся в тёплый комочек, а Грон сидел, вытянувшись, как маленькая, бдительная горгулья.

В сознании Лео раздался скрипучий, приватный мысленный голос Грона, обращённый только к нему и, по несчастью, к Плеху:

«— Эта толпа... они источают страх, но какой-то затхлый, коллективный. Как запах мокрой шерсти многих овец. Никакой индивидуальности. Ни изюминки. Идиотизм — тащить такой балласт».

Плюх, не открывая глаз, ответил своим способом: прямо в общий мысленный канал, который они теперь делили, он выпустил маленькое, тёплое яйцо-образ. Картинка: стайка разноцветных птичек, сбившаяся вместе против холодного ветра. Чувство: тепло вместе, безопасность в числе.

«— Сентиментальная чепуха, — фыркнул Грон, но уже без прежней ярости. — Птицы сбиваются в стаю перед лицом ястреба. У этих людей ястреб — внутри. И он уже клюёт их печень».

Лео мысленно вмешался, сохраняя лицо абсолютно невозмутимым:

«Молчите оба. Их не нужно пугать ещё больше. И их не нужно... дегустировать. Ваша задача — невидимое наблюдение. Плюх — чувствуй изменения, подкрадывающуюся пустоту. Грон — если почувешь страх особого рода, нечеловеческий, тот, что от Тени, сразу дай знать. Для всех остальных вы — моя тень и моя... немота. Понятно?»

Из тени донёсся тихий, но отчётливый звук — кряхтение, похожее на согласие. Это был Грон.

«— Как скажешь, „носитель паттерна“. Но предупреждаю: если один из этих „овечек“ сломается и его страх станет... вкусным, я не ручаюсь за своё профессиональное любопытство».

Плюх ответил новым яйцом: образ Грона с завязанным бантом на морде. Чувство: саркастичное предложение по решению проблемы.

Лео чуть не фыркнул, но превратил это в лёгкий кашель. Он поймал взгляд Жоу — тот приоткрыл один глаз, и в его мордочке мелькнуло понимание. Жоу кивнул едва заметно и снова притворился спящим. У него имелся нюх не только на груши, но и на секреты.

Лео снова уставился в огонь, пальцами чертя на земле невидимые иероглифы — цянъ (путь, движение) и инъ (скрываться, тень).

— Как сказать им... — начал он вслух, обращаясь к Давиду, — ...что дом теперь — не стены, а цзу — ноги? Что корень надо вырвать, пока сок ещё течёт в ствол, а не ушёл в мёртвую землю?

Давид помолчал, подбросил ветку в пламя. Дым поднялся прямой колонной — хорошая примета.

— Скажи, как говорят у нас в горах. Когда с горы катится камень — не спрашиваешь «почему». Ты либо уходишь с тропы. Либо становишься частью склона.

Лео кивнул, но взгляд оставался тревожным, будто он пытался разглядеть дно глубокого колодца.

— А если они спросят: «Куда ведёт тропа?» Что, если Валина — это лишь шоу чжун юэ — луна в воде? Красивое отражение, но рукой не зачерпнёшь.

Давид усмехнулся, но глаза оставались серьёзными, как две тёмные яшмы.

— Луна в воде — всё равно светит. Пока есть отражение, есть и небесный источник. А пока есть источник света — есть и путь, им освещённый. Даже если он ведёт через тёмный лес.

Жоу, не открывая глаз, пробормотал:

— Распродабрь.

— Чего? — Лео наклонился к нему, отвлекаясь от тяжёлых дум.

— Видел в городе, на убитой вывеске, — пробурчал енот, изображая глубокий сон. — «Распродабрь». Это пророчество какое-то? Или новая болезнь, от которой всё дешевле?

Лео не удержался и усмехнулся — тихо, по-китайски, больше животом, чем голосом.

— Это не пророчество, Жоу. Это «распродажа» в декабре. Реклама.

— Надо было зайти! — «проснулся» Жоу, хлопая себя по лбу лапой, но тут же спохватился, оглянулся — никого лишнего рядом не было — и снова приглушил голос. — Вдруг что-то полезное упустили! Палатку на одного? Консервы со смыслом? Хотя... — он осёкся, и его бойкая мина сменилась на серьёзную. — У нас есть порядок в рюкзаке. И путь. Это всегда успокаивает.

— Ну, ты даёшь, — покачал головой Лео, но в голосе не было упрёка. — Мир — как разбитая чашка, а ты — о порядке в сумке.

— Я — ответственный! — отозвался Жоу, наконец открывая оба глаза. И в них светилась не шутовская, а твёрдая искра. — Кто ещё будет следить, чтобы нитка с иголкой не потерялась, переводить с беличьего на человеческий и напоминать, что даже в распродаbre есть шанс найти что-то ценное, если не терять синь — сердца?

Лео смотрел на него, и в его собственной груди, рядом с сиреневым холодом и перламутровым теплом, что-то ёкнуло. Не надежда — нечто более прочное. Признание. Что путь — это не только пункт «Б». Это те, кто идёт с тобой, болтая ерунду у ночного костра. Он улыбнулся. И в этой улыбке не было горечи — только тихая, почти сыновняя благодарность за этот хрупкий, живой мостик через бездну.

В тени у его ног Плюх, уловив это изменение, выпустил крошечное, невидимое для других яйцо. Оно лопнуло у самого Лео, окутав его на миг чувством тихого одобрения. Даже Грон промолчал, что было красноречивее любых слов.

ГЛАВА 16. СБОРЫ И РАССВЕТ

Сон у костра

Лео уснул прямо у огня, завернувшись в одеяло. И увидел сон — яркий, как воспоминание.

Он снова стал ребёнком. Двор в Шанхае, залитый полуденным солнцем. Юмин в лёгком хлопковом платье помешивает бульон в котле, а Жень, шестилетний сорванец, пытается стянуть кусочек теста.

— Лян Жень, не трогай! — смеётся Юмин. — Это для всех!

— Но я голодный! — хнычет брат.

— Подожди немного. Всё будет, — она ласково проводит рукой по его волосам. — Главное — не торопиться. И не забывать делиться.

Хотя Юмин стала его мачехой и с отцом он плохо ладил, сейчас Лео хотел подойти, обнять их, сказать, что всё будет хорошо... Но сон начал таять. Остались только запах бульона, смех и тёплое чувство, будто кто-то держит его за руку. Он почувствовал щекотку от мягких волос и тёплый поцелуй на щеке — мамин.

Он проснулся от лёгкого прикосновения.

— Лео, — прошептал Жоу, сидя у его головы. — Ты плакал.

— Просто сон, — пробормотал Лео, вытирая щёки.

— Хороший сон?

— Да. О доме.

Енот кивнул, будто понял что-то важное. Порылся в своём рюкзаке, достал сушёное яблоко, разломил пополам и протянул половину Лео.

— На. Это не про запас. Это — от сердца.

Лео взял яблоко. Оно оказалось сладким, с лёгкой кислинкой. И в этот миг ему показалось, что мир ещё можно спасти — хотя бы кусочек за кусочком.

Рассвет: решение

На рассвете они собрались у дома Давида. Ночью в долину пришли ещё беженцы. «Чистые» молча смотрели на Лео, на притихшего енота у его ног и на Давида. В их взглядах читались вопросы, страх и — где-то глубоко — надежда.

Пока люди собирали скудные пожитки, Лео отошёл с Давидом в сторону, подальше от чужих ушей.

— Давид. Люди... они и так на пределе. Каждый шорох — как удар ножом. Что мы приведём их... туда? К тому... месту?

— Я понимаю твой страх. Привести их в обитель, где в саду стоит клетка из чистого света, а внутри — бог войны с глазами голубого пламени... Это не начало спасения. Это конец рассудка.

— Именно. Где она? Ловушка? Валина не могла оставить её... на виду.

Давид почти незаметно улыбнулся.

— Валина — не просто хранитель. Она — архитектор. Она мыслит не комнатами, а слоями реальности. Разве строитель оставит несущую балку посреди зала для пиршеств? Она знает, что мы идём. Она не говорила. Но она уже действовала.

— Значит, она что-то сделала? Спрятала?

Давид кивнул, его взгляд стал отстранённым, будто он видел сам Порог.

— Она примет меры. Это как... уборка священного инструментария перед приходом гостей. То, что должно служить защите, не должно выглядеть угрозой. Доверься. Её долг — охранять целостность. А целостность сейчас включает и хрупкие души этих людей. Она это учтёт.

Лео облегчённо выдохнул, немного расслабив плечи.

— Хорошо. Значит, нам нужно просто довести их. А дальше... её забота.

Давид положил руку ему на плечо, тяжёлую и твёрдую.

— Наша задача — провести их сквозь ночной лес страха. Её задача — встретить на пороге своего убежища. Каждый исполняет свою часть.

Слово к людям

Лео встал перед беженцами, чувствуя, как ветер тянет его одежду, словно пытаясь отговорить.

— Валина... — он замолчал, подбирая слова. — Это не город. Это направление. Как ветер, который знает, куда нести семена. Мы идём туда, потому что иначе останемся на голой земле.

Анна, учительница музыки, не подняла глаз, но её пальцы, обычно перебирающие струны невидимой скрипки, сейчас крепко сжали край платка.

— А если ветер обманет? Если там только песок и тишина?

Давид вышел вперёд, голос ровный, как горный ручей.

— Когда ты в ущелье, видишь только скалы. Но если не пойдёшь — никогда не узнаешь, есть ли за ними долина.

Кто-то вздохнул. Кто-то переступил с ноги на ногу.

Лео добавил тихо, но так, чтобы слышали все:

— Мы не обещаем рай. Мы обещаем — идти. Вместе. Как бамбук: каждый стебель слаб, но когда они рядом — их не сломить.

Мальчик, державший мать за руку, шмыгнул носом:

— А яблоки там будут?

Лео взглянул на Жоу. Тот едва заметно кивнул и, убедившись, что никто не смотрит прямо на него, достал из рюкзака яблоко. Лео взял его и протянул мальчику.

— Это — начало. Остальное — в пути.

Мальчик улыбнулся. И эта улыбка, маленькая и хрупкая, стала первым лучом света в их пути.

Лео невольно подумал: «А если Валина не оправдает надежд? Что тогда?» Но тут же отогнал эту мысль. Сейчас важнее оказалось не разрушать робкую надежду, а бережно нести её вперёд.

В путь

Они выступили на рассвете.

Лориэнс, в облике браслета на запястье Лео, едва заметно пульсировал теплом. Плюх тихо сидел в сумке за спиной Лео, подглядывая в прогрызенную дырочку, а Грон важно вышагивал, прикидываясь тенью и деловито изучая запахи нового мира. Жоу топал рядом, стараясь держаться поближе к Лео и помалкивать, хотя его лапы так и чесались проверить, всё ли на месте. Давид шёл замыкающим, следя, чтобы никто не отстал.

За спиной оставались пустые дома, остывшие костры и тишина — но впереди, за горами, мерцал Порог Валины.

Лео оглядел своих спутников:

Жоу, который то и дело порывался что-то сказать, но ловил его взгляд и снова прикусывал язык;

Давида, спокойного, как скала;

«чистых» — усталых, но не сломленных.

Среди них он заметил:

Сергея, который время от времени доставал компас и сверял направление, будто это был его личный ритуал уверенности;

Марину, незаметно протягивающую бинт женщине с поцарапанной рукой;

Макса и Лизу, по-прежнему держащихся за руки, словно это был их общий щит;

старика Иваныча, тихо пересчитывающего спички — будто в этом простом действии заключалась вся суть выживания.

И впервые за долгое время мысль: «Мы справимся» — не казалась пустой надеждой. Она жила, дышала, как шаг, как свет, пробивающийся сквозь утренний туман.

Они шли к Валине и к тому, что ещё можно спасти. К тому, что стоило защищать. К тому, ради чего стоило жить.

ГЛАВА 17. У ГРАНИЦ ВАЛИНЫ

Путь к границе

Погода стояла тёплая, но в воздухе витала тревога. Шелест листьев звучал как шёпот предостережения, птичьи трели обрывались на полуноте, а далёкий вой шакала казался каким-то иным — не природным. Глядя на бегущих зверей, люди ощущали это всеми фибрами чистых душ.

Они шли медленно, часто делая привалы. Жоу недовольно ворчал, стараясь держаться поближе к Лео:

— Я больше не могу бегать, как собака! Я — говорящий енот, хранитель груш и переводчик с кабаньего, а меня заставляют молчать и вилять хвостом!

В сумке Лео что-то нервно заворочалось, и в его сознание врезался скрипучий мысленный вопль:

«— Это невыносимо! Прятаться от этих... этих „хомо сапиенс“, чьи страхи пахнут пережаренной картошкой и старой обидой! Я — Грон! Я видел рождение страха в глазах первозданных Йети! А теперь я — тайный пассажир в старой холщовой тюрьме!»

Плюх, сидевший рядом в той же сумке, в ответ выпустил утешительное, но слегка вонючее от тесноты яйцо-образ: крошечного льва в коробке, который строит из себя невидимку. Чувство: сочувствие, смешанное с лёгкой издёвкой.

Лориэнс, оживший из браслета на запястье Лео, но оставшийся крошечным ради безопасности, хмыкнул, подключаясь к их мысленному каналу:

«— Ах, какая трогательная картина. Два пра-существа, сведённые до уровня контрабанды. Можете считать это... смиренным испытанием. Я, например, ношу его с достоинством».

«— Ты носишь его как безделушку! — мысленно зарычал Грон. — А я... я должен притворяться безмолвной кошкой! Это оскорбление всей моей гастрономической иерархии!»

— Тише ты, — прошипел Жоу, бросая взгляд на сумку. — А то люди услышат, как у тебя в рюкзаке булькает недовольство.

— Ты и без слов отлично виляешь, — вслух продолжил Лориэнс, глядя на енота. — Практикуйся. Может, станешь придворным псом Валины.

— Придворным?! — Жоу подскочил, едва не сбив с ног пробежавшую мимо белку.

— Я — дракон, — холодно поправил Лориэнс, расправляя миниатюрные крылья.

— А ты — блестящая змейка! — парировал Жоу.

Лео, наблюдая за их перепалкой и чувствуя мысленную бурю в сумке, тихо вздохнул.

Привал: секреты и обещания

Вскоре они расположились на привал под раскидистыми буками. Лео, заметив, что Жоу начинает закипать, а сумка подрагивает от сдерживаемого рычания, увёл их за кусты ежевики.

Жоу тут же встряхнулся, выпрямился на задних лапах и зашипел:

— Я не могу больше молчать! Я — голос разума в этом безумном мире! А меня заставляют изображать питомца!

Из сумки, наконец-то раскрывшейся на свободе, вылез Грон. Он отряхнулся с таким видом, будто с него стряхивали не пыль, а унижение.

«— И меня! Заставляют быть... домашним хищником! Я чую страх десятка этих людей, и все они — низкосортные, бытовые! И я должен делать вид, что сплю!»

Плюх выкатился следом, сел и выпустил яйцо-образ: льва, который пытается спрятаться за мышинной норой. Грон фыркнул на него.

Лориэнс, сидя на плече Лео, скушаяще разглядывал облака:

— Голос разума? Ты больше похож на голос желудка. А твой каменный друг — на голос несварения.

— А ты — на голос высокомерия! — огрызнулся Жоу. — Всё сверкаешь, как новогодняя игрушка, а толку?

В этот момент из-за кустов показался маленький мальчик Егорка. Он остановился, прищурился.

— Ой, — сказал он без тени страха, указывая пальцем. — У вас тут зоопарк тайный. А сколько лет этой старой лисичке? Она серая и седая.

Жоу, как раз пытавшийся разгрызть орех, от возмущения и испуга прикусил палец.

— Это не лисичка, а енот. И правда старый, но очень умный, — ответил Лео, глядя по сторонам, не идёт ли ещё кто.

Жоу не выдержал и гавкнул, надув большой пузырь носом. Егорка засмеялся:

— Страшенький, но смешной! А ещё я слышал, как он говорил!

Лео присел на корточки:

— Если ты достаточно смелый, я открою тебе тайну. Этот енот — волшебный. Но теперь это наш секрет, и ты должен его охранять. Сможешь?

Егорка кивнул. Его лицо стало сосредоточенным, как у солдата, принимающего присягу. Он порылся в кармане своих грязных штанишек и вытащил гладкий, почти круглый камешек цвета речной гальки.

— Держи, — он сунул камешек Жоу. Тот растерянно уставился на него.

— Зачем? Для проверки на съедобность? Неаппетитно.

— Это не еда! — возмутился мальчик. — Это самый твёрдый. Я его в ручье нашёл, он все другие стучал и не лопался. — Он посмотрел на енота своими огромными глазами. — Чтобы твой секрет был твёрдым. Как он. И не разбился.

Жоу замолчал. Он взял камешек, повертел в лапах, потом аккуратно засунул его в ту же сумку, где лежали стратегические груши.

— Ладно, — пробурчал он, но голос его потерял всю буффонаду. — Принимается. Теперь ты — Хранитель Твёрдого Секрета. Должность ответственная. Плачу грушами... раз в неделю.

— И дракончик — блестяшка. А этот... — его взгляд упал на Грона, — ...какой-то каменный кот с большими зубами. Он кусается?

Все замерли. Грон оцетинился, и его крошечные саблевидные клыки обнажились в немом рыке.

«— „Кот“?! Я покажу ему „кусается“...»

Лео быстро шагнул вперёд, заслоняя собой мальчика и мысленно послав Грону резкий приказ: «Замри!»

— Это... особая порода. Горный страж. Очень редкая. И дракон — мой... талисман. Но это тоже наш секрет, Егорка. Большой-большой. Ты можешь и его хранить?

Лицо мальчика стало сосредоточенным. Он смотрел на Грона.

— А каменный кот... страж... пусть не грустит, что его не видят.

Грон замер. Жёлтые глаза-щёлки уставились на мальчика, потом на камешек. Вместо привычной тирады в сознании Лео возникло короткое, изумлённое молчание, а затем — мысленный шёпот, лишённый злобы:

«— Он... не боится. В его страхе нет и капли. Только... любопытство. Как странно».

Тут Лориэнс, решив, что его обделяют вниманием, плавно взмыл с плеча Лео и, сделав в воздухе крошечную, сверкающую петлю, аккуратно опустил на ладонь Егорки. Мальчик ахнул от восторга.

— Огонь не больно? — прошептал он.

«— Только для врагов», — прозвучал в его голове бархатный, полный достоинства голос дракона. Егорка засиял.

На пороге чудес: сомнения и откровения

Так они шли несколько дней. Люди измотались: ноги гудели, спины ныли, глаза краснели от недосыпа. Но держались — то ли из упорства, то ли из страха остановиться.

Были и недовольные:

— Куда мы идём? — бормотал один. — В какую-то Валину, о которой никто не слышал.

— Может, это ловушка? — шептала женщина, кутая ребёнка в платок. — Вдруг нас ведут в ловушку?

Но большинство молча шагало вперёд, цепляясь за слабую надежду.

Когда владения Валины находились уже рядом — воздух стал гуще, а деревья выше, — Давид решил: пора. Он собрал всех у костра, дождался, когда последние лучи заката окрасят небо в багровые тона, и начал:

— Вы думаете, мир устроен просто: земля, небо, люди. Но это не так. В нём много тайн, о которых вы слышали в сказках. Лешие, духи, драконы, волшебники — это не выдумки. Это правда.

Среди людей прокатилась волна возмущения.

— Ты нас заговариваешь! — выкрикнул Иваныч. — Хочешь заманить в ловушку?!

— Мы шли за тобой, а ты — колдун!

Давид не стал спорить. Он просто опустил на одно колено, положил ладонь на холодную землю и заговорил с ней. Не на человеческом языке. Звуки, которые он издавал, походили на шелест корней, скрип вековых сучьев, журчание подземного ключа. И земля отозвалась. Не голосом, а дрожью. Сначала лёгкой, едва заметной. Потом сильнее. Из-под его ладони, прямо сквозь твёрдую почву, пробился и распустился за секунду крошечный подснежник, его белый колокольчик дрожал на тонком стебле.

Давид сорвал его и протянул той самой женщине, что кричала о колдовстве.

— Вот вам сказка, — тихо сказал он. — Она хрупкая. Как память. Как доверие. Её можно раздавить одним неловким движением. Или... сохранить. Чтобы у неё был шанс зацве-

сти снова. Мы не волшебники. Мы — садовники в саду, который забыл, как цвести. Выбирайте: раздавить цветок и вернуться в пепел. Или взять его и пойти дальше, неся этот кусочек живой правды с собой.

Женщина замерла, глядя на хрупкий белый колокольчик. Её пальцы, сжимавшие край платка, нерешительно разжались. Она не взяла цветок. Но и не оттолкнула его. Она смотрела.

И тут, будто этого мало, из-за спин взрослых выбежал вперёд Егорка. На его плече сидел Лориэнс, уже не скрываясь, размером с ястреба, его чешуя переливалась в свете костра медью и лазурью.

— Он не колдун! — звонко крикнул мальчик. — А вот дракон — настоящий! И он сказал, что дальше будет ещё круче!

На мгновение воцарилась абсолютная тишина. Люди смотрели на сверкающее существо с крыльями, и их мозг отказывался верить. Потом раздался не крик, а коллективный, заворожённый вздох. Кто-то упал на колени. Женщина с ребёнком просто прижала дитя к груди, широко раскрыв глаза. Старик Иваныч выронил свою коробку со спичками.

Алина, заметив, что происходит, вышла вперёд, и на её протянутой руке сидел Плюх. Утконос, почуяв всеобщее внимание, смущённо чихнул. И прямо над головами людей, в воздухе, вспыхнуло и лопнуло большое, сложное ментальное яйцо. Оно не пахло. Оно показало: яркую, как акварель, картинку — всех их, идущих по цветущему лугу к сияющему дереву-храму. Звук: общий смех и музыка ветра. Чувство: безопасность и дом.

Образ висел в воздухе секунду, затем растаял. Но чувство осталось — тёплый, успокаивающий ком в груди у каждого.

— Это... что было? — прошептала учительница Анна, и её пальцы непроизвольно сложились, как будто она хотела поймать ускользающий аккорд.

— Правда, — тихо сказала Алина, глядя Плюха по голове. — Он показывает то, что чувствует. Он чувствует, что там, впереди, — хорошо.

Теперь уже даже самые упрямые сомнения дали трещину. Чудо перестало быть пугающей абстракцией. Оно сверкало на плече у ребёнка, сидело на руке у девочки и говорило с ними напрямую — образами и чувствами.

И тогда Жоу, видя, что чаша весов качнулась, пролез вперёд и произнёс свою речь:

— Слушайте сюда, люди! Я — Жоу, говорящий енот, и я вам вот что скажу: если вы сейчас повернёте назад, то точно пропадёте. Потому что там, откуда мы пришли, уже нет ничего. Только пепел и пустота. А здесь есть шанс. Да, тут будет странно. Да, тут будут чудеса. Но чудеса — это не страшно. Страшно — когда ты один. А мы — не одни!

Он замолчал, тяжело дыша. Вокруг — молчание. Потом кто-то кашлянул. Потом женщина с ребёнком тихо спросила:

— А ты... правда говоришь?

— Я же только что говорил! — возмутился Жоу, всплеснув лапами. — Нет, ну надо же! Дракона им показали, утконоса говорящего, а они у енота переспрашивают!

Кто-то нервно хихикнул. Кто-то покачал головой, но уже без прежнего страха.

Там, между деревьями, мерцали огоньки — не костры, не светлячки, а что-то иное, переливающееся всеми цветами радуги. Они то вспыхивали, то гасли, словно дышали.

— Что это? — прошептал Егорка.

Давид, пользуясь моментом, продолжил:

— Это Валина. Она встречает нас. Но прежде чем вы пойдёте дальше, я должен сказать: Валина — не просто место. Она — хранилище «Порога», последняя из рода Архитекторов Реальности. Она охраняет порталы в иные измерения и мировое древо. Эта земля под её защитой. И пока вы здесь — вы в безопасности.

Люди замерли. Пожилая пара перекрестилась, учительница музыки Анна прижала руку к груди, остальные просто смотрели, не веря глазам.

— Архитекторы Реальности?.. — прошептала девушка с длинными косами. — Это... это как в сказках?

— Сказки — это эхо правды, — мягко ответил Давид. — Мир гораздо больше, чем вы думали. И Валина — лишь одна из его граней.

Люди слушали и смотрели на дракона, на утконоса, на енота-оратора. Чудеса уже находились здесь, среди них. Значит, и всё остальное могло быть правдой.

Первый шаг в неизвестность

На следующее утро они подошли к границе.

Перед ними расстилалась долина, окутанная туманной дымкой. Деревья здесь стояли выше и толще, их кроны сплетались в сплошной зелёный шатёр. В воздухе пахло мёдом, травами и чем-то ещё — древним, как сама земля. Но теперь к этому запаху прибавилось что-то новое: лёгкий аромат цветущих лилий и металла, будто сама природа дышала магией.

— Здесь начинается другое, — тихо сказал Давид. — И вы должны решить: идёте ли вы дальше?

Люди переглядывались. Кто-то дрожал, кто-то сжимал кулаки, кто-то молча кивал. Старик с седыми волосами перекрестился и шагнул вперёд. Женщина с ребёнком глубоко вздохнула и последовала за ним.

Лео посмотрел на Жоу, на Лориэнса — тот снова свернулся на запястье, но теперь его чешуя мягко светилась в предрассветных лучах, — на Егорку и Алину, которые держались за руки, и произнёс:

— Мы идём.

ГЛАВА 18. ПОРОГ И ЕГО СЮРПРИЗЫ

Лео сделал шаг — и мир схлопнулся, а потом развернулся заново, с другой стороны. Это походило на новое рождение во взрослом теле. Воздух, который секунду назад оставался прохладным, ударил в лёгкие хрустальной иглой — так чисто, что даже заломило в груди. Звуки — шелест, щебет, журчание — обрушились разом, как внезапно включённый оркестр, и Лео инстинктивно прикрыл уши. Земля под ногами перестала быть опорой. Она дышала, отдавая в ступни лёгкое, тёплое пульсирование, будто он стоял на живом, огромном сердце.

Он оглянулся — Жоу и остальных не виделось. Только переливающаяся, как мыльный пузырь, плёнка тумана, за которой копошились смутные тени их прошлого мира. Казалось, он остался один. Но стоило сделать шаг — и из туманной дымки вынырнули знакомые силуэты.

Здесь память тела сбрасывается. Здесь начинают с чистого листа. Даже если не хочешь.

Небо над долиной пылало глубоким, насыщенным оранжевым — цветом спелого манго и абрикоса, заката в пустыне и расплавленного янтаря. Свет излучался самой атмосферой, обволакивая всё в тёплое, медовое сияние. Это был Оранжевый День Валины. День созидания, изобилия, домашнего очага и... плодородия в самом широком, иногда пугающем смысле.

«— Кхх... — прозвучал в сознании Лео голос Грона, который, как и Плюх, теперь шёл рядом, не скрываясь (внутри сада прятаться являлось бессмысленным). — Цвет сытости. Цвет утробы. И страха — страха раствориться в этой всеобщей, безликой теплоте. Интересное сочетание».

Плюх, идущий чуть впереди, чихнул и выпустил яйцо-образ: большое, пушистое оранжевое облако, которое хочет всех обнять. Чувство оказалось двойственным: уют и лёгкая паника.

Жоу, войдя последним, ахнул:

— Ух, ты! Как в большой-большой печи! И пахнет... пахнет вареньем! И... мной, когда я проспал на солнцепёке! Но в хорошем смысле!

Лориэнс тихо прошептал:

— Чувствуешь? Воздух здесь... другой. Как будто сам дышит.

Жоу принялся, поднял морду к небу и вдруг замер.

— Яблони... — выдохнул он. — Да тут целый сад!

Вечно цветущий сад

Перед ними раскинулся яблоневоый сад. Яблони цвели бело-розовым, но под этим оранжевым небом их лепестки казались позолоченными. Между деревьями, обвивая стволы, цвели настурции — огненные, жёлтые, оранжевые. Глаза, привыкшие к тусклым, выцветшим краскам апокалипсиса, обжигала эта ядовитая, нереальная яркость. Лепестки падали безостановочно, и это выглядело не прекрасно — это выглядело жутко, как бесконечный метаболизм, жизнь, которая не знала, как остановиться. Под ногами ковром стелилась календула, а в воздухе висел тяжёлый, дурманящий аромат цветущих апельсиновых и манговых деревьев, которых не виделось, но запах оставался осязаем.

Идиллия вышла агрессивной. Она вышла провокационной. Сад захватил их, поглотил, как оранжевая, благоухающая пасть. Под этим тёплым, «домашним» светом любая утрата, любая внутренняя пустота кричала в сто раз громче. Сад удобрял почву души, чтобы на ней возшло то, что в ней уже заложено, — будь то семя покоя или корень невыплаканной ярости.

Грон вдруг замер, широко раздувая ноздри. Его каменная грива тихо поскрипывала.

«— Странно. Очень странно. Воздух... он вкусный. Сладковато-цветочный. Но под ним... как твёрдый орех под кремом. Чувствуешь?»

Плюх дрожал, зарывшись клювом в собственный мех. Он выпустил одно большое и странное ментальное яйцо. Оно говорило: «Не чувствую вкус... Чувствую давление. Как будто огромный камень висит в воздухе, но он не там. Он... в другом „сейчас“». И оттуда запахло горелой сталью и пустотой, в которой плачут.

Грон, с философским видом, тут же прокомментировал:

«— Ага. Точно. Страх высшего порядка. Не животный. Институциональный. Страх быть вечным. И гнев, запертый в геометрической идее. Интересное сочетание. Не съедобное, но... впечатляющее».

Лео увидел, как один из беженцев, мужчина с потрескавшимися губами, потянулся к яблоку, а потом вдруг зашёлся в сухом, надрывном кашле — его горло, годами сжимавшееся от страха, отказалось пропускать такую сладость. Другой — женщина, потерявшая ребёнка, — села на траву и зарыдала не от горя, а от ярости. Её рыдания звучали криком: «Как ты смеешь быть таким прекрасным, когда мой мир мёртв?!»

Сад не исцелял. Он обнажал травмы. Он служил зеркалом, которое показывало не то, что ты хочешь видеть, а то, чего ты лишился навсегда.

Встреча с хранительницей

Они осознали её присутствие, когда запах апельсиновых цветов внезапно сменился чистым, холодным ароматом белых роз и жасмина. Это был её личный акцент.

А потом между деревьями появилась она.

Валина шла легко. Она являлась фокусом, в котором сходились все лучи этого оранжевого мира. Её платье из листьев мерцало, но сегодня в его узоре преобладали оттенки охры, золота и тёмной зелени. Волосы струились, как поток горной реки, а в глазах отражалась сама вечность. Встретившись с ней взглядом, Лео на миг увидел всю цепь своих воплощений — от древнего воина до этого измождённого юноши — и понял, что для неё это одно мгновение. Это знание не возвысило его. Оно раздавило. Он был пылинкой. И она смотрела на эту пылинку с бездонным, нечеловечески мягким сожалением.

— Добро пожаловать в день изобилия, — её голос звучал как шелест спелой листвы и потрескивание дров в очаге. — Здесь всё растёт. В том числе — правда.

Давид склонил голову:

— Мы привели их, Валина. Теперь слово за тобой.

Она улыбнулась, и сад словно расцвёл ярче.

— Вы боитесь, — сказала она, глядя на людей. — И это правильно. Страх — знак того, что вы живы. Но теперь вы в безопасности. Здесь, под кронами вечных деревьев, вы найдёте то, чего так долго искали.

— Что именно? — спросил мужчина с седыми висками, тот самый, что кричал у костра.

— Себя, — просто ответила Валина. — И друг друга.

Первые чудеса

Она протянула руку, и с ближайшей ветки сорвалось яблоко — не жёлтое, не красное, а переливающееся всеми цветами радуги. Оно повисло в воздухе, медленно вращаясь.

— Возьмите, — сказала Валина, глядя на женщину с ребёнком. — Не бойтесь.

Та нерешительно протянула ладонь. Яблоко опустилось на неё — тёплое, живое. Женщина прижала его к груди и вдруг заплакала.

— Оно... оно как сердце, — прошептала она.

«— Не сердце, — мысленно прокомментировал Грон. — Инкубатор. Оно вынашивает то, что ей нужно. Посмотрим, что родится».

И правда: у женщины, всё ещё прижимавшей к груди радужный плод, из-под ногтей вдруг полезли тонкие, зелёные побеги. Не больно, но неотвратимо. Она в ужасе выронила яблоко, но ростки уже оплели её пальцы, превращая их в ветви миниатюрного деревца. Она не плакала от счастья. Она онемела, глядя на свои новые, цветущие руки, которые больше не могли сжать кулак или ударить.

«— Её гнев был таким острым, таким „древесным“ — желанием укорениться, чтобы не унести, ударить, чтобы защититься. Сад просто дал этому форму. Безобразно буквально, надо признать», — прокомментировал Грон.

Плюх, глядя на плачущую женщину, выпустил к её ногам маленькое, прозрачное яйцо. Оно лопнуло, и вокруг неё на миг воцарилась тишина — образ гладкого, чёрного камня в лесном ручье, ощущение покоя, стабильности. Ветви на её руках замедлили рост.

Хромой мальчик Тигран, замороженный, сделал шаг, потом другой — и вдруг сорвался с места. Его бег вышел неестественно быстрым, птичьим. Он нёсся, не касаясь земли, и в его глазах светилась не детская радость, а паническая растерянность существа, которое не понимает собственного тела. Он боялся остановиться, потому что не знал, как.

Старик, тот, что кричал о колдовстве, вдруг замер, глядя в пустоту. Его губы задрожали. Перед ним, сотканная из света и лепестков, стояла женщина — его покойная жена. Но лицо её выглядело не ласковым и призрачным. Оно выглядело таким, каким она умерла, — измождённым, с синяками под глазами. И она смотрела на него с немым укором, который он читал все эти годы.

Он улыбнулся. Не от радости. Он улыбнулся, потому что наконец получил подтверждение. Его вина материализовалась и смотрела на него. Оранжевый День сорвал этот плод и показал ему. Не для того чтобы мучить. Чтобы он наконец смог его переработать, съесть, усвоить.

Лориэнс, наблюдая, прошептал:

— Она не творит. Она активирует. Ускоряет процессы, которые уже идут в душе. В Фиолетовый день она работала бы с архетипами, в Синий — искала причины. А сегодня... сегодня она даёт урожай. Каким бы он ни был.

Жоу, облизнувшись, пробормотал:

— Урожай... Значит, и пироги где-то должны быть. Это же логично!

Обещание

На закате Валина собрала всех под большим деревом.

— Вы можете остаться здесь, — сказала она. — Или идти дальше. Это ваш выбор. Но знайте: пока вы в этом саду, вы защищены. И если когда-нибудь вам понадобится убежище — вы всегда сможете вернуться.

Грон, который всё это время сидел в тени, подошёл к ближайшему дереву, ткнулся мордой в кору и отскочил, фыркнув.

«— Да. Плодородно. И скучно. Страх здесь уже не еда, а... удобрение. Я не буду здесь жить. Но наблюдать за этим тепличным безумием — может быть, станет моим новым хобби».

Плюх, напротив, подбежал к цветущей календуле и, кажется, нашёл с ней общий язык. Он тихо крякал, а цветок в ответ покачивал головкой.

— А ты? — спросил Егорка. — Ты будешь здесь?

— Всегда, — ответила Валина. — Я — хранительница. И моя задача — ждать тех, кто готов поверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.